

Сергѣй Мечъ.

ГРЕНЛАНДІЯ.

Географическій очеркъ страны
и
РАЗСКАЗЪ О ПУТЕШЕСТВІИ Ф. НАНСЕНА.

СЕДЬМОЕ ИЗДАНИЕ.

Сергѣй Мечъ,

ГРЕНЛАНДІЯ.

Географическій очеркъ страны
и
РАЗСКАЗЪ О ПУТЕШЕСТВІИ Ф. НАНСЕНА.

Съ 11-ю рисунками въ текстѣ.

СЕДЬМОЕ ИЗДАНИЕ.

МОСКВА.

Типо-литографія Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К^о.

Пименовская улица, соб. домъ.

1913.

Географическій очеркъ Гренландіи.

Публичная лекція, читанная авторомъ въ аудиторіи Историческаго музея въ Москвѣ.

I.

Гренландія—огромный островъ, самый большой на всемъ земномъ шарѣ. Онъ занимаетъ 40 тысячъ кв. геогр. миль, т.-е. равенъ почти половинѣ Европейской Россіи. Постепенно суживаясь къ югу, онъ оканчивается скалистымъ мысомъ, которому англійскіе моряки дали названіе *Феруэль*, т.-е. *прощай*. Хотя мысъ *Феруэль* находится подъ широтой Петербурга, но большая часть Гренландіи лежитъ за полярнымъ кругомъ, въ той области земного шара, гдѣ царствуютъ льды, морозы и снѣжныя бури и гдѣ долгія зимнія ночи озаряются трепетнымъ свѣтомъ сѣверныхъ сіяній.

Такъ какъ Гренландія ближе къ Европѣ, чѣмъ какая-нибудь другая часть Америки, то она давно уже стала извѣстна европейцамъ. Норманъ Красный Эрикъ открылъ ее въ концѣ X вѣка, за 500 лѣтъ

до Колумба. Донынѣ сохранились въ южной Гренландіи развалины и надписи, которыя напоминаютъ о давнишнемъ пребываніи здѣсь норманновъ.

400 лѣтъ длилось общеніе Скандинавіи съ Гренландіей, но потомъ страну забросили и совсѣмъ забыли. Уже послѣ Колумба Дэвисъ, Гудсонъ, Баффинъ и др. вторично открыли Гренландію, а въ 1721 году норвежскій миссіонеръ Гансъ Эгеде, человѣкъ высокой души и рѣдкаго благородства, высадился на юго-западномъ берегу Гренландіи вмѣстѣ съ женой и дѣтьми своими и основалъ тамъ среди дикарей поселеніе, которое онъ назвалъ *Готгабъ—добрая надежда*. Съ этихъ поръ южные берега Гренландіи дѣлаются хорошо извѣстны, а понемногу смѣлые путешественники проникаютъ и къ сѣвернымъ ея берегамъ. Самымъ знаменитымъ изъ такихъ путешественниковъ былъ докторъ Элизе Кенъ.

Онъ вышелъ изъ Нью-Йорка въ 1853 году на парусномъ кораблѣ *Адвэнсъ* и черезъ 1½ мѣсяца былъ у береговъ Гренландіи. Пройдя Баффиновъ заливъ, онъ вступилъ въ ту узкую и длинную полосу воды, которая отдѣляетъ Гренландію отъ земли Гриннэля и называется Смитовымъ проливомъ. Масса льда плыла ему навстрѣчу, но Кенъ неустрашимо проби- вался впередъ.

Но, наконецъ, борьба съ льдинами стала невозможной. Корабль завели въ небольшой заливъ Грен-

ландіи, и скоро отдѣльныя льдины, плававшія вокругъ него, смерзлись вмѣстѣ и сдѣлали его помѣщеніе вполнѣ спокойнымъ. Бѣдный *Адвэнс* пользовался этимъ спокойствіемъ слишкомъ долго, такъ какъ ему не суждено было выбраться изъ залива; онъ остался тамъ навѣки.

Двѣ зимы провелъ д-ръ Кенъ съ своими спутниками среди льдовъ Смитова пролива. Нѣкоторые изъ его товарищей умерли, другіе не вставали съ постели и были близки къ смерти. Подъ конецъ у нихъ вышла вся провизія и весь запасъ угля, такъ что они должны были жить какъ эскимосы: согрѣваться ночникомъ изъ моржоваго сала и ѣсть сырое моржевое мясо. Но, несмотря на всѣ лишенія, Кенъ дѣлалъ экскурсіи пѣшкомъ и на собакахъ, составляя карту берега и стараясь подойти какъ можно ближе къ полюсу. Во время этихъ экскурсій онъ замѣтилъ, что Смитовъ проливъ расширяется на сѣверѣ и тамъ чистъ отъ льда.

При наступленіи второй весны рѣшено было покинуть корабль и плыть на лодкахъ обратно въ Баффиновъ заливъ, въ ближайшее датское селеніе. Это обратное путешествіе среди льдовъ, въ старыхъ дырявыхъ лодкахъ, почти безъ пищи продолжалось 3 мѣсяца: іюнь, іюль и августъ.

Кенъ и его спутники были спасены: они приплыли къ маленькому датскому селенію *Уперनावикъ*,

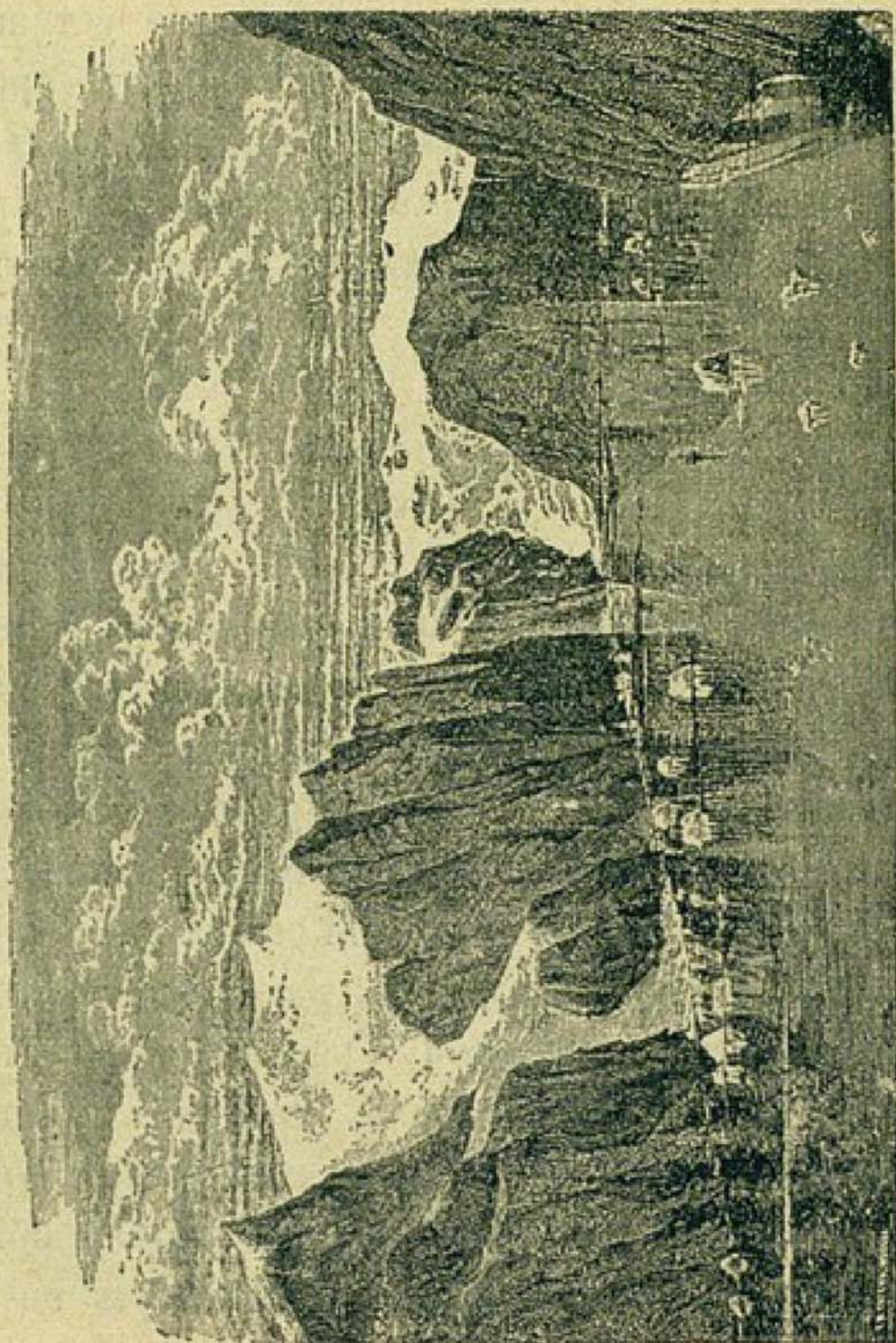

самому сѣверному въ Гренландіи, и здѣсь ихъ принялъ американскій пароходъ, посланный правительствомъ Соед. Штатовъ искать ихъ. Вернувшись на родину, Кенъ скоро почувствовалъ послѣдствія испытанныхъ имъ страданій: здоровье его разстроилось, и 11 марта 1857 года весь Нью-Йоркъ былъ взволнованъ печальнымъ событіемъ: хоронили человѣка, котораго каждая страна съ гордостью назвала бы своимъ сыномъ.

Послѣ Кена много другихъ путешественниковъ изслѣдовали берега Гренландіи, проникая до самыхъ сѣверныхъ ея окраинъ. На этомъ поприщѣ особенно прославился американскій инженеръ Робертъ Пири (Peary), который совершилъ семь смѣлыхъ и страшно трудныхъ экспедицій черезъ Смитовъ проливъ, изслѣдовалъ сѣверныя окраины Гренландіи, проникалъ далеко внутрь ея снѣжныхъ пустынь, и, подвигаясь каждый разъ все дальше и дальше по льдинамъ, первый достигъ въ апрѣлѣ 1909 года сѣвернаго полюса. Другіе путешественники, какъ Кольдэвей, Пайеръ, Эриксенъ, герцогъ Орлеанскій, изучали и описывали восточный берегъ Гренландіи. Благодаря всѣмъ этимъ самоотверженнымъ людямъ, мы имѣемъ теперь довольно полное знаніе формы и величины этого огромнаго острова.

На всемъ своемъ протяженіи гренландскій берегъ гористъ, дикъ и мраченъ на видъ. Высокія горы

Видъ гренландскаго берега.

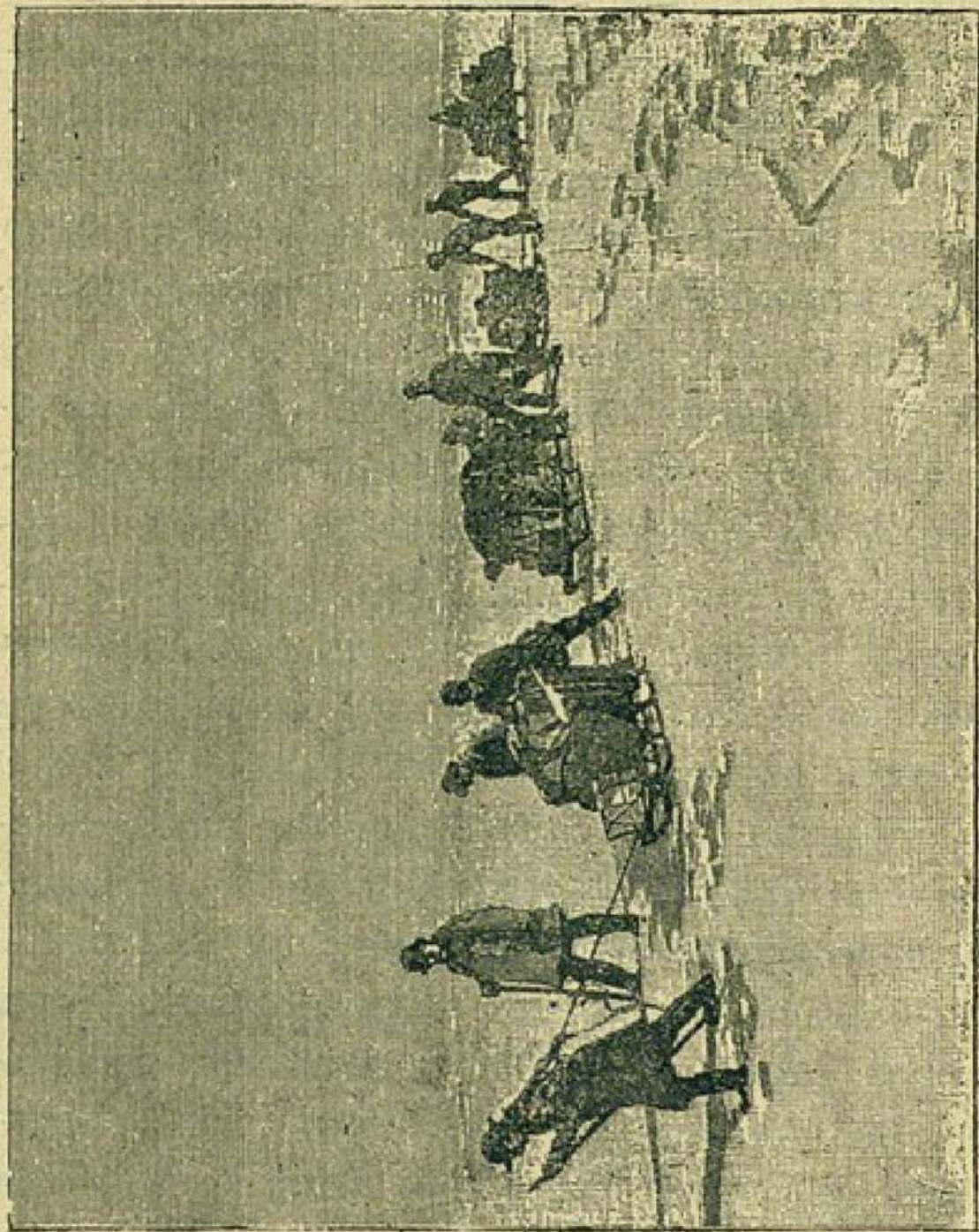
изъ гранита, гнейса и порфіра, черныя, непріютныя, угрюмыя, поднимаются до 5 и даже 11 тысячъ футовъ, такъ что тамъ есть вершины, не уступающія, на прим., Пиренеямъ по высотѣ. Между горами вдаются далеко въ островъ узкіе извилистые заливы, или фіорды, иногда очень живописные въ ихъ дикомъ величіи, а возлѣ нихъ множество острововъ и скалъ. Въ общемъ, весь берегъ поразительно похожъ на берегъ Норвегіи.

II.

Если теперь мы оставимъ берега Гренландіи и спросимъ себя, какой же видъ имѣетъ эта страна внутри и что тамъ происходитъ, то и на это намъ дадутъ отвѣтъ новѣйшіе изслѣдованія.

Еще недавно о внутренности Гренландіи ходили странные слухи, которые поддерживались даже нѣкоторыми извѣстными учеными. Говорили, будто бы тамъ-то, за береговыми льдами, находится та зеленая страна, изъ-за которой Гренландія получила свое названіе, что тамъ тепло, что тамъ растутъ лѣса и живутъ счастливые люди, совершенно уединенные отъ міра. Эти рассказы возбуждали общее любопытство, и многіе пытались проникнуть внутрь Гренландіи, но оказалось, что сдѣлать это очень трудно, — такъ трудно, что до самаго послѣдняго времени такое предпріятіе никому не удавалось.

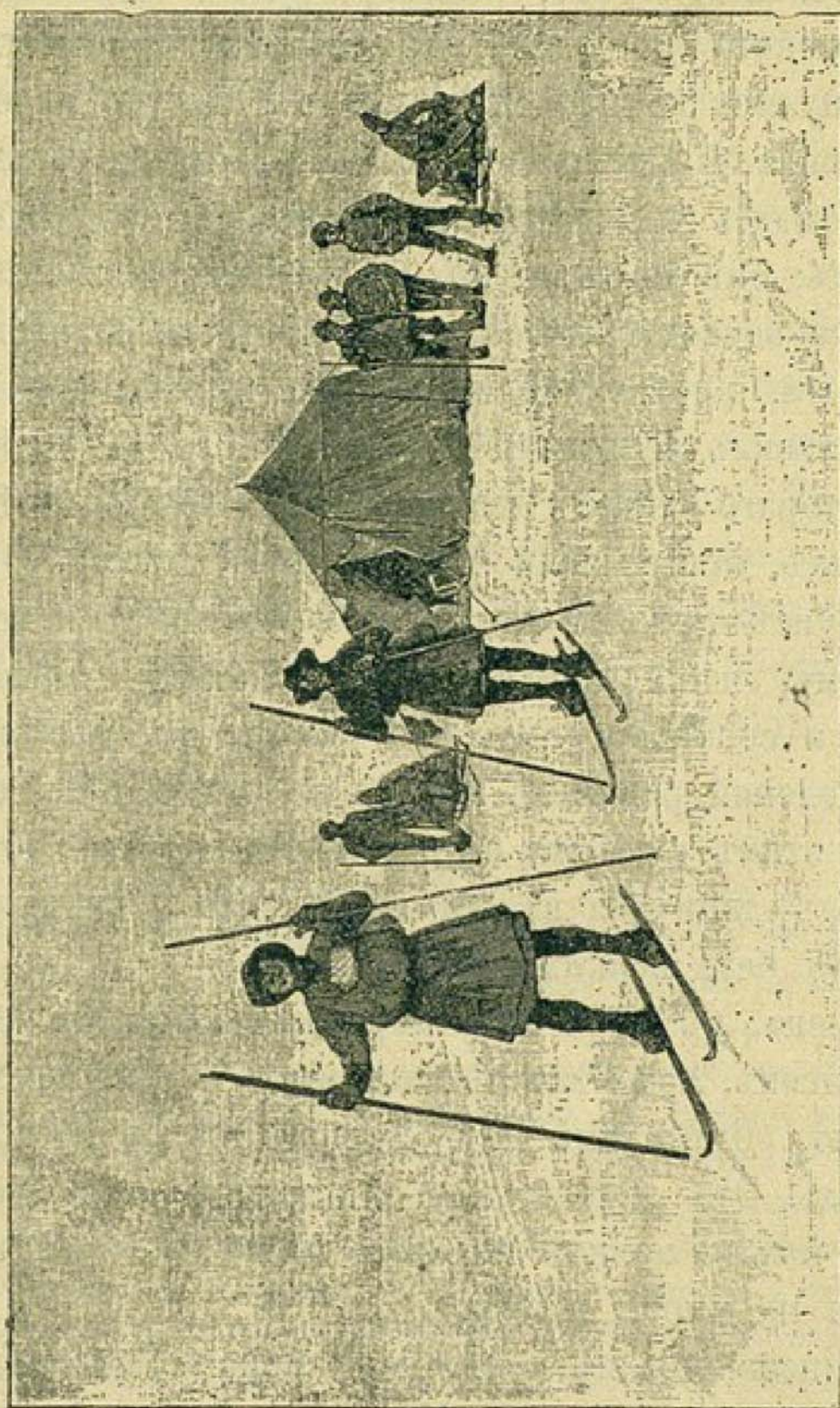

Норденшельдъ и его спутники идутъ внутрьъ Гренландіи.

Въ іюлѣ 1883 года знаменитый шведскій ученый Норденшельдъ рѣшилъ пройти какъ можно дальше въ середину Гренландіи. Какъ опытный полярный путешественникъ, онъ заранѣе обдумалъ всѣ трудности пути и обставилъ свою экспедицію превосходно. Съ нимъ отправились семеро шведовъ и два лапландца, опытные ходоки по льду. Взято было провизіи: ветчины, сардинокъ, мясныхъ консервовъ, кофе и спирта для лампъ на 40 дней. Этотъ грузъ вмѣстѣ съ палаткой, инструментами и фотографическимъ аппаратомъ вѣсилъ 50 пудовъ и былъ разложенъ на 6 саней, которыя тащили на себѣ всѣ путешественники. Погода была для нихъ вполнѣ благопріятная, и они, ступивъ на ледъ близъ *Кристиансба*, черезъ двѣ недѣли ушли болѣе чѣмъ на 100 верстъ внутрь Гренландіи. Дѣлая по 8—9 верстъ въ сутки, они во время остановокъ раскладывали палатку, клали на мокрый снѣгъ гуттаперчевые, наполненные воздухомъ матрацы и, утоливъ голодъ, влѣзали въ мѣховые мѣшки, служившіе имъ постелями. Такихъ бивуаковъ у нихъ было 18. Наконецъ, рыхлый, мокрый снѣгъ сталъ такъ затруднять ихъ движеніе, тащить по немъ сани и при этомъ вытаскивать глубоко вязнувшія ноги сдѣлалось до того утомительно, что они рѣшили остановиться. Тогда двое лапландцевъ, бывшіе съ ними, вполнѣ надежные, честные и развитые люди, вызва-

Взявъ немного провизіи, барометръ и термометръ, лапландцы отправились въ путь на лыжахъ и быстро исчезли изъ вида.

лись пройти впередъ, сколько будетъ возможно. Взявъ немного провизіи, барометръ и термометръ, они тронулись въ путь на лыжахъ и быстро исчезли изъ вида. Норденшельдъ съ остальными людьми остался ждать ихъ. Черезъ 57 часовъ лапландцы вернулись; они прошли, по ихъ расчету, болѣе 200 верстъ къ востоку, слѣдовательно достигли середины Гренландіи, употребивъ на отдыхъ только 4 часа. Ихъ заставилъ вернуться недостатокъ воды, вслѣдствіе котораго они, согрѣвшись отъ усиленнаго бѣга на лыжахъ, испытывали мучительную жажду. Они сдѣлали всѣ наблюденія надъ барометромъ и термометромъ, какія поручилъ имъ сдѣлать Норденшельдъ, и сообщили ему, что дальше къ востоку, кромѣ ледяной равнины, ничего не видно. Давъ отдохнуть этимъ смѣлымъ и преданнымъ людямъ, Норденшельдъ двинулся въ обратный путь и вернулся къ берегу безъ всякихъ несчастій.

Наконецъ, въ 1888 году норвежецъ, д-ръ Фридтъёфъ Нансенъ, человѣкъ рѣдкаго мужества, перешелъ съ пятью спутниками всю Гренландію съ востока на западъ. Это путешествіе, удивившее міръ, рассказано имъ въ полной интереса книгѣ, которая переведена на многіе языки.

Приблизившись къ восточному берегу Гренландіи на небольшомъ кораблѣ, Нансенъ и его спутники сѣли въ шлюпку и простились съ капитаномъ ко-

рабля. Больше двухъ недѣль они дѣлали все возможное, чтобы пробиться сквозь пловучіе льды и, наконецъ, добрались до гренландскаго берега. 15 августа они поднялись на «великій ледъ» и пошли на лыжахъ поперекъ острова, волоча за собой сани, нагруженные складной палаткой и провизіей. По дорогѣ они испытали много страданій отъ мороза, вѣтра, метелей и бурь. Случалось, что метель длилась по нѣскольку сутокъ и палатку путешественниковъ заносило всю, доверху, такъ что ничто тогда не говорило о присутствіи людей въ Гренландіи. Спали они въ двухъ мѣшкахъ изъ оленьей кожи, по три человѣка въ мѣшкѣ. Черезъ 40 дней, пройдя 450 верстъ страшной снѣжной пустыней, путешественники спустились къ датскому селенію Готгабъ *).

---

*) Впослѣдствіи имя Фр. Нансена прогремѣло по всему міру, благодаря его смѣлому полярному путешествію. Въ 1893 г. онъ на прочномъ, нарочно для этого построенномъ пароходѣ *Fram* съ двѣнадцатью товарищами проѣхалъ изъ Норвегіи къ сѣвернымъ берегамъ Сибири и тамъ, затертый льдами, отдался на волю океаническаго теченія, которое какъ онъ думалъ, должно было привести его къ полюсу. Однакожъ теченіе хотя и унесло корабль далеко къ сѣверу, но привести его къ полюсу не могло. Замѣтивъ это, Нансенъ рѣшился пѣшкомъ, съ 28 собаками, которыя везли багажъ, пробраться какъ можно ближе къ полюсу. Сопроводять его вызвался лейтенантъ Югансенъ. Въ мартѣ 1895 г. они покинули *Fram* и пошли по льдинамъ. Это путешествіе было ужасно. Достигнувъ 86° ш., т.-е. подойдя къ полюсу бли-

Благодаря экскурсіямъ Норденшельда, Нансена, Пири и другихъ, мы до нѣкоторой степени знаемъ, что за страна Гренландія. Поистинѣ это ужасная земля, и ея названіе Гренландія, Grönland, звучитъ насмѣшкой, печальной ироніей. Гораздо лучше было бы назвать ее землей холода, унынія и отчаянія.

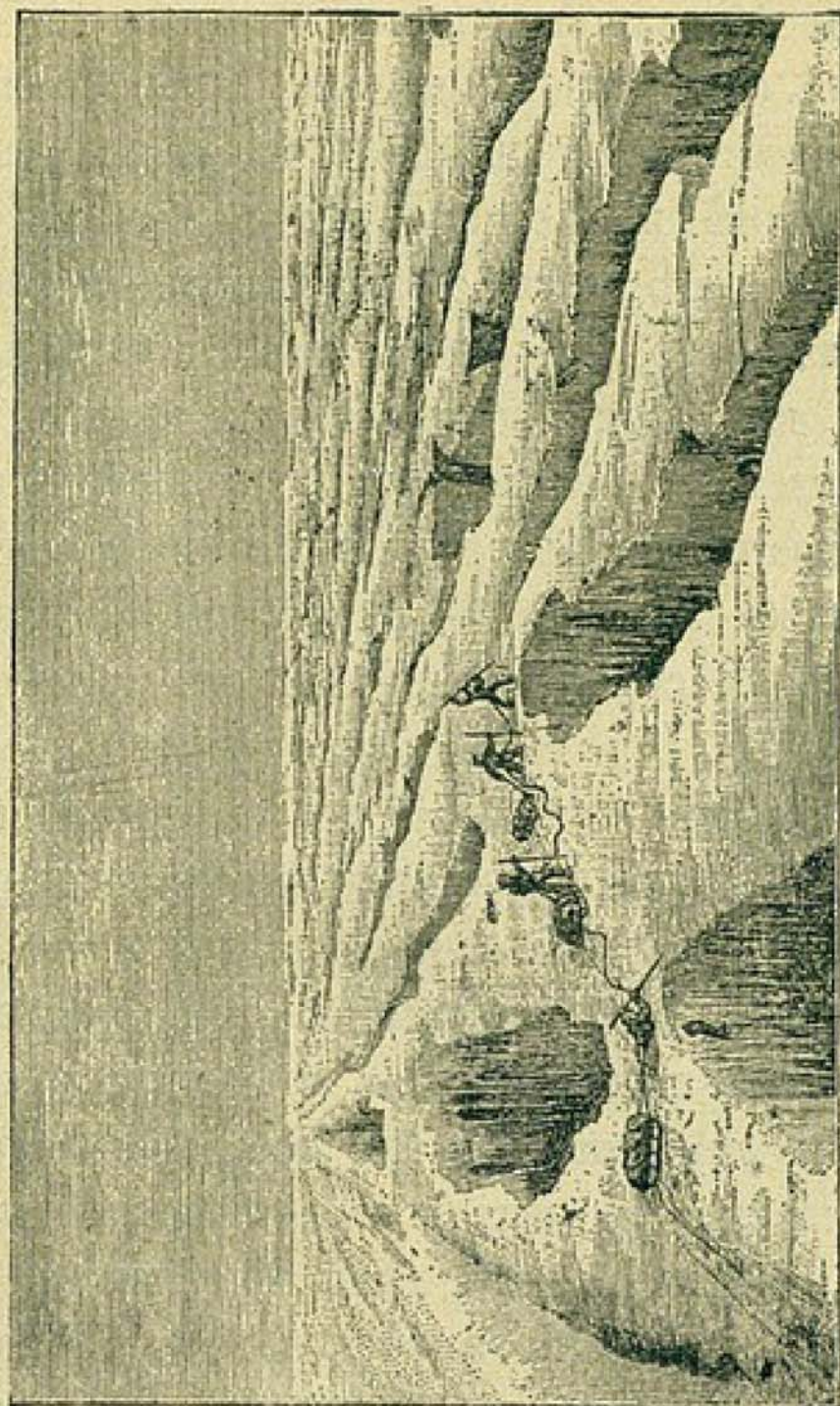
Вспомнимъ, что лѣта нѣтъ внутри Гренландіи, что оно бываетъ только внизу, на берегахъ фіордовъ, но не на высокихъ равнинахъ внутренности острова. Во время своего путешествія Нансенъ терпѣлъ тамъ морозъ въ 40° въ сентябрѣ въ продолженіе нѣсколькихъ ночей подъ рядъ. Послѣдствія этого легко представить.

Если великая русская равнина покрывается толстымъ, въ 1 аршинъ и болѣе, слоемъ снѣга, то каждою весною весь этотъ снѣгъ сходитъ съ нея, превращаясь въ мутные потоки, которые бѣгутъ съ гармоническимъ шумомъ въ ручьи и рѣки. Будь у

же, чѣмъ кто-либо другой до нихъ, Нансенъ и Югансенъ повернули назадъ. Они хотѣли добраться до Шпицбергена, куда часто приходятъ корабли изъ Европы. Но они заблудились въ безпредѣльномъ просторѣ плавучихъ льдинъ и шли наугадъ, не зная, гдѣ они. Провизія быстро уменьшалась, пришлось убивать собакъ и ихъ трупами кормить остальныхъ. Такъ брели они все лѣто и только въ августѣ добрались до одного изъ острововъ Земли Франца-Иосифа, гдѣ и перезимовали, питаясь медвѣжьимъ мясомъ. Съ наступленіемъ весны они пошли опять и совершенно случайно встрѣтили экспедицію Джексона, жившую тогда на Землѣ Франца-Иосифа. Въ августѣ 1896 г. Нансенъ вернулся въ Норвегію, а черезъ 6 дней туда же прибылъ и *Fram*.

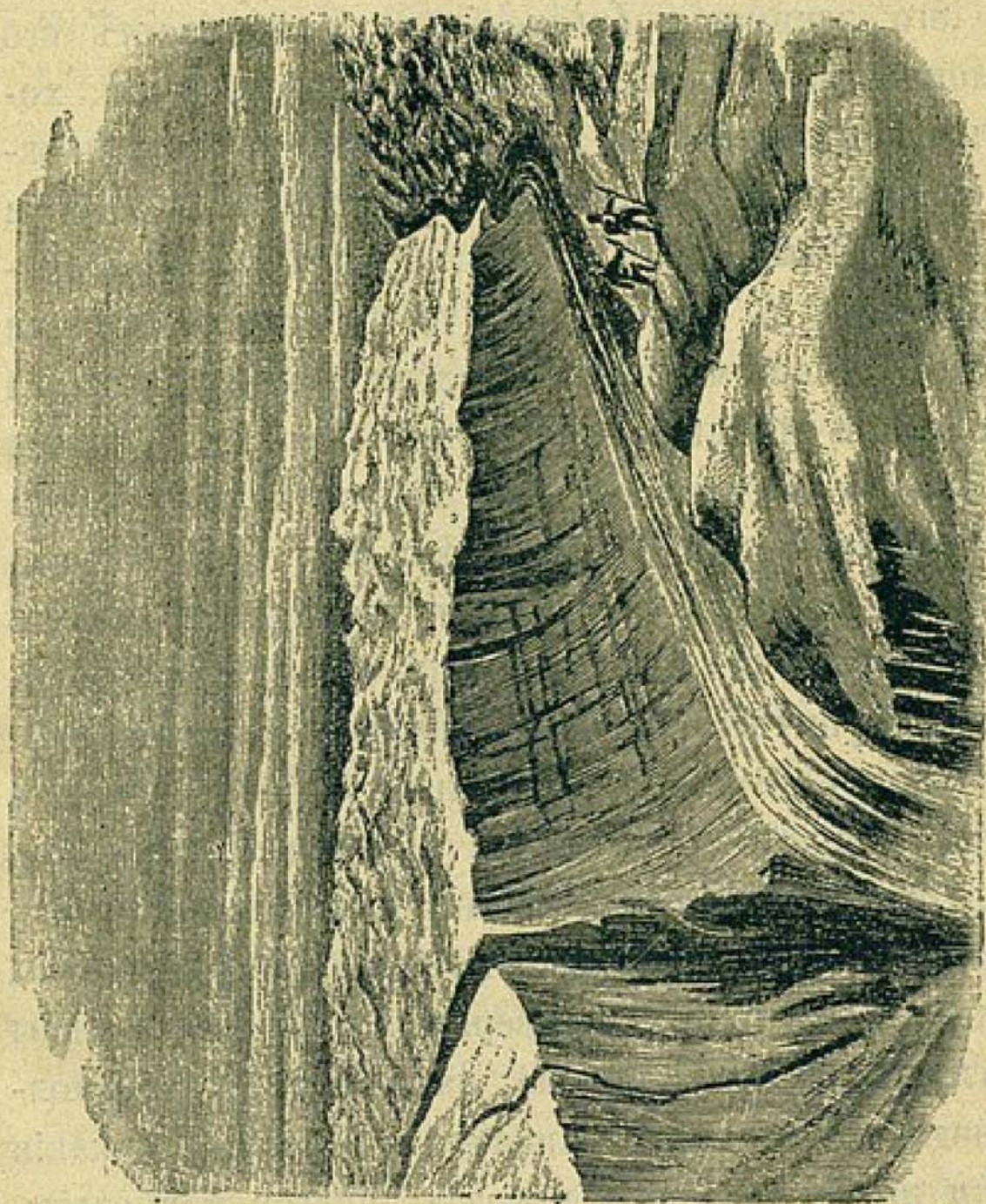
Трещины „великаго льда“ Гренландія.

насъ лишь непрерывная, вѣчная зима, слой снѣга ежегодно все утолщался бы и по истеченіи вѣковъ достигъ бы громадной толщины.

Вотъ это самое происходитъ въ Гренландіи. Массы снѣга каждый годъ падаютъ на нее, но никогда не растаиваютъ и ежегодно все прибавляются. Въ теченіе короткаго лѣта снѣгъ успѣваетъ согрѣться до 0° , а извѣстно, что снѣгъ при 0° , находясь подъ большимъ давленіемъ, превращается въ ледъ. Поэтому гренландскій снѣгъ, вѣроятно, весь превратился въ ледъ и сохранилъ видъ снѣга только на поверхности. Прошли вѣка, тысячелѣтія и вся страна покрылась такимъ слоемъ снѣга и льда, что онъ сравнялъ всѣ ея неровности, скрылъ ея равнины, холмы, овраги, и только высокія горы торчатъ своими вершинами изъ-подъ слоя льда. Эскимосы называютъ эти скалы, торчащія изъ льда, *нунатакъ* и очень боятся ихъ, считая ихъ мѣстопребываніемъ привидѣній, тѣней умершихъ людей. Смотря съ такой скалы внутрь Гренландіи, думаешь, что это совершенно горизонтальная плоскость, гладкая какъ столъ и безконечно огромная. Но на самомъ дѣлѣ Гренландія, какъ и всякая другая страна, имѣетъ и горы, и холмы, и равнины, только все это скрыто отъ глазъ могучимъ пластомъ льда, который придавилъ своею чудовищною тяжестью весь островъ. Если предположить, что слой гренландскаго льда имѣетъ толщину лишь

Быстрыя рѣки несутся по ледяной равнинѣ и, достигнувъ трещины, низвергаются въ ея бездны съ оглушительнымъ шумомъ.

въ 500 футовъ, то и тогда вся его масса равняется 300 тысячамъ кубическихъ верстъ. Это - то и есть «великій ледъ» Гренландіи *Sermer suak*, какъ зовутъ его эскимосы, *Inlandsis*, какъ называетъ его Норденшельдъ, цѣлый океанъ льда, огромный, холодный, безжизненный, надъ которымъ носятся снѣжные ураганы и бури. Его поверхность гладка и ровна на цѣлыя сотни верстъ, но это только посрединѣ. Ближе къ берегу ледъ то поднятъ огромными глыбами, стоящими почти отвѣсно, то растрескался глубокими и длинными трещинами. Голова кружится при одномъ взглядѣ въ эти неизвѣданныя бездны разверзшагося льда. Послѣ снѣжныхъ бурь и метелей снѣгъ заноситъ сверху эти трещины и дѣлаетъ ихъ незамѣтными, но страшная смерть грозитъ тому, кто ступитъ по неосторожности на эту обманчивую почву. Въ іюлѣ солнечные лучи успѣваютъ нагрѣть верхній слой снѣга настолько, что онъ таетъ, отъ чего образуются широкія, быстрыя рѣки, которыя несутся извиваясь по ледяной равнинѣ и, достигнувъ трещины, низвергаются въ ея бездны съ оглушительнымъ ревомъ, нарушающимъ безмолвіе ледяной пустыни. Никакой рисунокъ, никакія краски не въ состояніи передать чудесной чистоты, прозрачности и голубого цвѣта ледяныхъ береговъ этихъ потоковъ. Поистинѣ «великій ледъ» Гренландіи похожъ на какое-то сказочное царство, пол-

ное чудесъ, но царство полярнаго духа, который одинъ владычествуетъ въ этой пустынѣ, шумитъ въ ея потокахъ, носится въ вихрѣ снѣжныхъ урагановъ, мелькаетъ въ туманѣ, окутывающемъ вершины скалъ, а въ долгія зимнія ночи развертываетъ надъ холодною пустыней свое колеблющееся знамя въ видѣ сѣверныхъ сіяній, какъ бы въ знакъ своей побѣды и своего страшнаго могущества!

Поверхность «великаго льда» часто бываетъ покрыта безчисленными углубленіями особаго рода въ которыхъ лежитъ какая-то странная пыль, много занимающая ученыхъ. Норденшельдъ называетъ ее *ледяной пылью*, *криоконитомъ*. Внимательное изслѣдованіе ея частицъ, привезенныхъ въ Европу, показываетъ, что она, вѣроятно, принесена вѣтромъ издалека, изъ другихъ частей свѣта, можетъ быть, но что, кромѣ того, въ ней есть частички чистаго желѣза съ примѣсью никеля. Извѣстно, что на Землѣ нѣтъ самороднаго желѣза, но что куски такого желѣза съ примѣсью никеля падаютъ по временамъ на Землю изъ далекихъ небесныхъ пространствъ въ видѣ метеоровъ. Поэтому является предположеніе, что криоконитъ Гренландіи не весь земного происхожденія, а что въ немъ есть, можетъ быть, частицы, упавшія съ небесныхъ пространствъ. Не въ эту ли пыль разсыпаются тѣ прелестные метеоры, которые мы такъ несправедливо называемъ въ

общежитіи «падающими звѣздами»? Она, конечно, падаетъ всюду на земномъ шарѣ, но замѣтитъ ее можно только на чистой поверхности вѣчнаго снѣга, на которую никогда не ступаетъ нога живого существа.

«Великій ледъ» Гренландіи не остается неподвижнымъ, — онъ медленно ползетъ изнутри страны къ ея берегамъ, слѣдуя общему наклону ея поверхности. Если приложить ухо ко льду, то слышенъ непрерывный глухой шумъ, а также отдѣльные звуки, похожіе на отдаленные выстрѣлы, — все это результатъ движенія льда.

Тихонько сползая къ берегамъ, «великій ледъ» встрѣчаетъ прибрежныя горы, которыя останавливаютъ его движеніе, но въ промежуткахъ между вершинами горъ, по ихъ ущельямъ, для него есть выходъ къ фіордамъ. Сюда-то онъ и спускается въ видѣ глетчеровъ или ледниковъ, подъ напоромъ давленія изнутри страны.

Вошедши на пароходъ въ какой-либо фіордъ Гренландіи, путешественникъ видитъ, что въ него со всѣхъ сторонъ сползаютъ огромные глетчеры. Сползая въ море, глетчеръ стремится подняться, потому что ледъ легче воды. Наконецъ, съ страшнымъ грохотомъ онъ отрывается, и ледяная гора, окруженная тысячами обломковъ, летящихъ кругомъ словно ракеты, всплываетъ на водѣ и нѣкоторое

время перевертывается въ ней, стремясь уравновѣситься посреди огромныхъ поднятыхъ ею волнъ. Это — обломокъ, отдѣлившійся отъ глетчера, но въ немъ уже трудно узнать его прежнюю форму, потому что большая часть его, по крайней мѣрѣ $\frac{6}{7}$ его объема погружена въ воду. Выйдя изъ фіорда, льдина уносится къ югу теченіемъ океана. Мореплаватели называютъ эти льдины «ледяными горами», и дѣйствительно это цѣлыя горы изъ льда: онѣ имѣютъ по нѣскольку верстъ въ длину и ширину и поднимаются надъ водою на 30 и болѣе сажень. Корабль кажется игрушкой сравнительно съ ледяною горой, и капитанъ сворачиваетъ въ сторону, завидя плывущую къ нему навстрѣчу громаду. Даже издали она уже опасна: такъ какъ она таетъ, то она можетъ внезапно расколоться, распасться на куски и произвести сильное волненіе, съ которымъ трудно бороться кораблю.

Многіе глетчеры, спускающіеся въ гренландскіе фіорды, достигаютъ колоссальныхъ размѣровъ: такъ, напр., глетчеръ Гумбольдта, сползающій въ Смитовъ проливъ, имѣетъ 100 верстъ въ ширину и поднимается на 40 сажень надъ поверхностью моря, спускаясь подъ воду на неизвѣданную глубину. Однако жъ не нужно думать, что на берегахъ Гренландіи только и есть, что ледъ да голый камень. Въ долинахъ ея западнаго берега растутъ небольшія березки, ивы и

ольхи, есть трава и цвѣты. Даже на крайнемъ сѣверѣ страны можно найти не мало интересныхъ растеній. На гранитныхъ и гнейсовыхъ скалахъ растутъ разноцвѣтные мягкіе лишайники, а также зеленые подушечки изъ мха, перемѣшаннаго съ брусникой, и въ этомъ-то мхѣ, спрятавшись въ него почти совсѣмъ, таятся нѣкоторые очень красивые, но крайне маленькіе цвѣтки, напр., лютики, колокольчики, камнеломки, незабудки и пр. Разсматривая внимательно поверхность мха, мы увидимъ, что изъ него высовываются миниатюрныя вѣточки съ листьями. Потянувъ къ себѣ эти вѣточки, мы убѣдимся, что у нихъ есть стволъ, толщиною въ сѣрную спичку, который стелется по камню, весь спрятанный въ мохъ. Разсмотрѣвъ хорошенько какъ этотъ стволъ, такъ и его листья, мы убѣдимся, что это береза, весьма похожая на нашу, но только крайне миниатюрная. Точно такъ же стелются тамъ по камнямъ ива, ольха, рябина, можжевельникъ. Какъ видите, цѣлые лѣса растутъ на скалахъ сѣверной Гренландіи, но только лѣса эти легко совсѣмъ не замѣтить, легко пройти по нимъ и подумать, что тамъ растетъ одинъ только мохъ. Въ самомъ дѣлѣ, этотъ лѣсъ состоитъ изъ березъ, которыя можно накрыть рюмкой, изъ ольхъ, которыя легко продѣть въ петлицу сюртука, изъ ивъ, сотня которыхъ уложится въ карманъ. Зато эти удивительныя

растенія живы въ такихъ мѣстахъ, гдѣ, казалось бы, должна царствовать только смерть. На берегахъ Смитова пролива, въ разстояніи нѣсколькихъ градусовъ отъ полюса, Кенъ находилъ прелестные цвѣтнички, которые росли мирно и беззаботно, хотя на ихъ долю выпадаетъ лишь нѣсколько теплыхъ дней въ году. Какъ могутъ они жить при такихъ условіяхъ? Это составляетъ великую тайну. Но въ Гренландіи скрыта еще и другая тайна.

На ея западномъ берегу, противъ острова Диско, на высотѣ около 200 сажень надъ берегомъ моря, найденъ окаменѣлый лѣсъ (Третичнаго періода) изъ нѣкогда росшихъ здѣсь деревьевъ, но заваленныхъ песчанымъ обваломъ. Путешественники раскопали эту находку и собрали тамъ около 200 видовъ растеній. Подобныя же открытія сдѣланы были и въ другихъ мѣстахъ гренландскаго берега. Оказалось, что нѣкогда, во времена давно-давно прошедшія, — вѣроятно, еще до существованія человѣка на Землѣ, — въ Гренландіи росли дубы, вязы, грецкіе орѣхи, магноліи, лавры, виноградъ и плющъ. Значитъ климатъ Гренландіи былъ нѣкогда совершенно такой же, какой мы нынѣ видимъ въ Италіи.

Какъ и чѣмъ объяснить такую удивительную перемѣну климата Гренландіи? Здѣсь не мѣсто вдаваться въ предположенія по этому поводу. Перво-

классные ученые пытались неоднократно найти причину этой переменны, но указать вполне естественную, понятную и доказанную причину не могли. Несомненно одно,—это то, что земной шаръ пережилъ много переменъ на своемъ вѣку и что распределение климатовъ, какое мы теперь видимъ, не всегда на немъ было *).

III.

Море, омывающее Гренландію, кишитъ животными. Несмотря на то, что вода здѣсь очень холодна, такъ что термометръ показываетъ въ ней всегда около 10°, она содержитъ въ себѣ огромное количество морскихъ моллюсковъ, раковъ, медузъ, червей и пр. Всѣ, кто плавалъ въ этихъ моряхъ, говорятъ съ восторгомъ о хрустальной прозрачности ихъ воды и о чудесахъ подводнаго міра, видныхъ съ корабля или лодки.

---

*) Изъ того, что въ Гренландіи было прежде не холоднѣе, чѣмъ теперь въ Италіи, еще нельзя заключить, будто на Землѣ вообще становится холоднѣе. Всѣ геологи признаютъ, что въ самомъ концѣ Третичнаго періода климатъ Европы и Сѣв. Америки такъ ухудшился, что значительная часть этихъ материковъ покрылась вѣчными льдами. Льды покрывали половину Европейской Россіи, всю сѣверную Германію, спускались съ Альпъ, съ Пиреней и другихъ горъ, и что же? Мы видимъ поля, сады и чудныя озера тамъ, гдѣ лежали льды. Значитъ, съ той поры климатъ Земли опять измѣнился къ лучшему.

Бѣлый медвѣдь и тюлень. (Рисунокъ Бекмана.)

Благодаря такому обилію мелкихъ животныхъ, здѣсь очень много и крупныхъ, которыя кормятся мелкими. Такъ, до сихъ поръ еще есть киты близъ береговъ Гренландіи, водится много рыбы, много моржей и много тюленей.

На берегахъ Гренландіи живетъ гораздо меньше животныхъ, чѣмъ въ моряхъ ея. Здѣсь встрѣчаются изрѣдка небольшія стада сѣверныхъ оленей и малорослыхъ муксусныхъ быковъ, которые вынуждены дѣлать большія перекочевки, чтобы найти себѣ скудный кормъ изъ мховъ и лишайниковъ; водятся бѣлая лисица и бѣлый полярный заяцъ; но настоящій царь звѣрей въ Гренландіи, конечно, бѣлый медвѣдь. Всѣ мы видѣли его въ звѣринцахъ, но по этимъ жалкимъ заморышамъ невозможно составить понятіе о великолѣпномъ, могучемъ звѣрѣ, достигающемъ 30 пудовъ вѣса, не уступающемъ по силѣ ни льву, ни тигру. Случалось, что онъ перекусывалъ пополамъ желѣзное копье въ $1\frac{1}{2}$ дюйма толщиною, — такова громадная сила его челюстей.

Бѣлый медвѣдь постоянно рыщетъ по берегамъ Гренландіи, а также на прибрежныхъ льдахъ, на которыхъ онъ разыскиваетъ тюленей и моржей. Онъ умѣетъ подкрадываться къ нимъ съ коварствомъ тигра и такой же неслышной, беззвучной, мягкой походкой. Если путешественникъ по Гренландіи не слышитъ вокругъ себя ни малѣйшаго звука, если

все кругомъ него совершенно тихо и безмолвно, то это еще не значитъ, что онъ въ безопасности: въ пяти шагахъ позади него, можетъ быть, къ нему подкрадывается бѣлый медвѣдь.

Всѣ органы чувствъ великолѣпно развиты у этого могучаго звѣря, особенно же обоняніе. Запахъ горящаго сала онъ чуетъ за цѣлыя версты. Часто видѣли, какъ медвѣдь взбирается на верхушки льдинъ и обнюхиваетъ окрестность, вытянувъ шею и поднявши носъ, не пахнетъ ли гдѣ добычей. Когда тюлени и моржи переселяются южнѣе, и берега заковываются сплошнымъ льдомъ, бѣлому медвѣдю приходится плохо. Во время зимовки корабля *Германія* у восточныхъ береговъ Гренландіи (въ 1870 г.) по близости постоянно бродили медвѣди въ надеждѣ поживиться чѣмъ-нибудь. Они были такъ голодны, что когда застрѣлили одного изъ нихъ, то въ его желудкѣ нашли только лоскутья фланелевой фуфайки, выброшенные съ корабля. Понятно, какъ опасна была близость столь голодныхъ звѣрей. Всѣ на кораблѣ были въ постоянномъ страхѣ, тѣмъ болѣе, что полярная ночь скрывала окрестность и дѣлала невидимыми медвѣдей, бродившихъ между льдинами, возлѣ самаго корабля. Люди были такъ напуганы ими, что въ каждомъ шорохѣ имъ чудились осторожные шаги. Разъ они сидѣли всѣ вмѣстѣ въ натопленной каюткѣ при свѣтѣ лампы. Каждый былъ занятъ своимъ дѣ-

ломъ и по счастію всѣ молчали. Вдругъ слышать слабые крики гдѣ-то вдали. Они выскочили на палубу и явственно услышали голосъ одного изъ своихъ, доктора Бёргена, который кричалъ: «Ein Bär schleppt mich fort! Медвѣдь меня тащитъ!» Всѣ поспѣшно вооружились и побѣжали на помощь. Однакожъ медвѣдь уходилъ отъ нихъ быстрѣе лошади, волоча по льду свою добычу. Нѣсколько выстрѣловъ на воздухъ заставили его наконецъ, бросить Бёргена, и звѣрь скрылся за льдами. Бѣднаго Бёргена подняли со льда и хотѣли нести, но онъ не согласился и пошелъ самъ. Ужасъ охватилъ всѣхъ, когда они вернулись въ каюту и осмотрѣли несчастнаго: оказалось, что медвѣдь сорвалъ кожу съ половины головы его, такъ что волосы и мѣховый капоръ его были напитаны кровью. Первая операція была сдѣлана на столѣ каюты, и черезъ нѣсколько времени больной выздоровѣлъ, несмотря на то, что онъ пробылъ значительное время съ полуобнаженными костями черепа при сильномъ морозѣ. Докторъ рассказывалъ потомъ, что онъ возвращался на корабль съ берега, куда ходилъ взглянуть на термометры; берегъ былъ всего только въ 250 шагахъ отъ корабля. Дорогой на него напалъ медвѣдь. Бёргень не успѣлъ взвести курокъ у своего ружья и растерявшись хотѣлъ испугать звѣря маленькимъ фонаремъ, который онъ держалъ въ рукѣ; но тотъ ни-

сколько не испугался, опрокинулъ бѣднягу, наступилъ на него и схватилъ зубами за голову. Бѣргенъ явственно слышалъ, какъ зубы медвѣдя скребнули по его черепу. Потомъ звѣрь схватилъ его за руку и понесся галопомъ по льду, оставляя кровавый слѣдъ. Бѣргенъ помнилъ, что въ то время, какъ медвѣдь тащилъ его за руку, онъ другой рукой билъ звѣря по головѣ, не сознавая хорошенько, зачѣмъ онъ это дѣлаетъ. Этотъ самый медвѣдь на слѣдующія же сутки опять подходилъ къ кораблю: въ сумракѣ видѣли, какъ онъ прошелъ между льдами.

IV.

Въ настоящее время въ Гренландіи есть нѣсколько десятковъ маленькихъ поселеній. Они находятся преимущественно на берегу Девисова пролива, и самыя значительныя изъ нихъ—Юліангабъ, Фредериксгабъ и Готгабъ. Здѣсь живутъ датчане, которымъ принадлежитъ Гренландія, но преимущественно эскимосы. Эти эскимосы уже совсѣмъ не дикари. Они всѣ христіане, умѣютъ читать и находятся подъ сильнымъ вліяніемъ датскихъ священниковъ. Въ 1911 г. считалось въ Гренландіи 13.000 жителей, изъ нихъ 270 европейцевъ. Ежегодно нѣсколько прекрасныхъ прочныхъ кораблей, принадлежащихъ датскому правительству, приходитъ сюда съ европейскими това-

рами: ножами, иголками, бумажными матеріями, табакомъ, мукой, чаемъ и кофе для жителей Гренландіи, и берутъ отъ нихъ сало и кожи тюленей, гагачій пухъ, зубы моржей, мѣха лисицъ и медвѣдей. Никто, кромѣ правительства, не можетъ торговать съ Гренландіей; это сдѣлано для того, чтобы купцы не стали привозить эскимосамъ водки, которая тамъ строго запрещена. Водку позволяется пить въ Гренландіи одинъ только разъ въ году—въ день именинъ датскаго короля.

Однакожъ за предѣлами датскихъ поселеній, въ сѣверной Гренландіи, есть еще много чистокровныхъ эскимосовъ, которыхъ не коснулось датское вліяніе. Они живутъ на берегахъ далекихъ фіордовъ, отдѣленные вѣчнымъ льдомъ отъ всего міра. Путешественники, зимовавшіе въ Смитовомъ проливѣ, часто встрѣчали ихъ. Самое сѣверное эскимоское поселеніе, какое видѣли европейцы, называется *Ита*. Оно лежитъ подъ 78° с. ш., на берегу Смитова пролива. На всей Землѣ нѣтъ деревни, которая была бы ближе къ полюсу. Когда американецъ Голь и его спутники посѣтили эту маленькую кучку людей, состоявшую тогда изъ 20 человѣкъ, то эскимосы, которые никогда не видали другихъ людей, вообразили, что прибывшіе къ нимъ европейцы не люди, а привидѣнія, души предковъ, сошедшія съ луны или поднявшіяся изъ бездонныхъ трещинъ льда.

Чистокровный эскимось маленькаго роста, на короткихъ ногахъ, коренастый и крѣпкій. Его кожа, если смыть съ нея слой грязи и сала, имѣетъ смуглый цвѣтъ. У него широкое, круглое лицо, съ маленькимъ носомъ, съ маленькими темными глазами. Черные жесткіе волосы падаютъ ему на лобъ; усы и борода у него не растутъ почти совсѣмъ. Въ общемъ лицо молодого эскимоса нѣсколько напоминаетъ фیزیомію тюленя, о которомъ онъ всего чаще думаетъ. Да и вся фигура его—круглая, толстая, покрытая слоемъ жира—похожа на добродушнаго сытаго тюленя.

Сходство съ тюленемъ еще увеличивается вслѣдствіе того, что эскимось одѣвается въ тюленьи кожи. Эскимосскія женщины—большія мастерицы готовятъ эти кожи и шить изъ нихъ платье, хотя иглою имъ часто служить кость, а нитками—сухожилія; вдобавокъ работать приходится въ полумракѣ, при ночникѣ изъ тюленьяго жира, а такой ночникъ гораздо больше коптитъ, чѣмъ свѣтитъ.

И мужчины, и женщины носятъ куртку; у мужчинъ она снабжена капюшономъ, надѣваемымъ на голову вмѣсто шапки; у женщинъ куртка не плотно прилегаетъ къ спинѣ, образуя какъ бы мѣшокъ, въ которомъ онѣ носятъ своихъ малютокъ; такъ самка кенгуру носить въ сумкѣ своихъ дѣтенышей! И мужчины и женщины ходятъ въ панталонахъ и сапо-

гахъ изъ тюленьей кожи. Женщины обшиваютъ свое платье и сапоги полосками разноцвѣтныхъ мѣховъ. Нечего говорить, что вся эта одежда пропитана жиромъ и переполнена насѣкомыми.

Жилище свое эскимосы строятъ или изъ камней, или изъ земли, или даже изъ глыбъ снѣга; они вырѣзаютъ снѣжные кубики и складываютъ изъ нихъ полукруглый домъ. Въ немъ только одно отверстіе—низкая дверь, но такъ какъ закрывать ее нечѣмъ, то эскимосы дѣлаютъ тоннель или коридоръ, который ведетъ къ двери. Коридоръ этотъ такъ низокъ, что въ немъ можно только ползти на четверенькахъ. Внутри хижины помѣщается обыкновенно нѣсколько семействъ. Одна или нѣсколько каменныхъ чашекъ, наполненныхъ тюленьимъ саломъ, замѣняютъ и лампу, и печь. Копоть отъ этихъ ночниковъ покрываетъ все въ хижинѣ, и лица эскимосовъ лоснятся отъ жирной сажи. Когда соберутся въ этомъ убогомъ шалашѣ всѣ его обитатели — мужчины, женщины и дѣти — и нагрѣютъ въ немъ воздухъ своимъ дыханіемъ, то духота и вонь дѣлаются невыносимыми. Жарко становится такъ, что эскимосы снимаютъ свои одежды и остаются совсѣмъ обнаженными, въ то время какъ снаружи бушуетъ снѣжная буря. Докторъ Кенъ рассказываетъ слѣдующимъ образомъ о своей ночевкѣ въ эскимосской хижинѣ.

«Я проползъ тоннель шаговъ 30 длиною и очу-

Эскимось. (Рисунокъ взятъ изъ книги Э. Реклю
Nouv. géogr. univers. XV.)

тился въ хижинѣ. Испаренія 14-ти сильныхъ, отѣвшихся, немытыхъ и неодрѣтыхъ людей охватили меня. Въ полумракѣ и тѣснотѣ копошились, словно черви, мужчины, женщины и дѣти, покрытые только одною грязью. У каждой хозяйки была плошка, гдѣ горѣло сало. Часть мерзлаго моржа лежала на землѣ. Скоро задымились каменные чашки, въ каждой изъ которыхъ лежало 10—15 фунтовъ мяса. Меня убѣдительно просили принять участіе въ ѣдѣ, но я довольно насмотрѣлся на ихъ стряпню и отказался отъ угощенія. Я раздѣлся, подобно всѣмъ прочимъ, улегся въ кучѣ людей, положилъ голову на теплый животъ сосѣда, стараясь не придавить спавшихъ у меня подъ бокомъ ребятъ, и заснулъ крѣпкимъ сномъ».

Чтобы охотиться на моржей и тюленей, эскимось долженъ имѣть лодку, и онъ дѣлаетъ ее, несмотря на то, что здѣсь каждый кусокъ дерева составляетъ рѣдкость и обломокъ доски—лучшій подарокъ, какой можно сдѣлать эскимосу. Крѣпко связывая деревянные палочки или куски кости ремнями, эскимось строить изъ нихъ скелетъ узкой лодки сажени въ двѣ длиною, острой съ обоихъ концовъ. Этотъ остовъ онъ обтягиваетъ со всѣхъ сторонъ просаленной моржовой кожей, и получается лодка, *калкэ* по-эскимосски. Когда пловецъ сидитъ въ ней, она чуть видна изъ воды. Вѣсъ ея около 30 фунтовъ, такъ

что ее легко нести на плечахъ. Когда эскимось хочетъ пуститься въ море, онъ влѣзаетъ въ единственное круглое отверстіе, оставленное въ лодкѣ, и крѣпко стягиваетъ поясомъ край кожи, которая прикрѣплена къ отверстию, а въ руки беретъ длинное весло, оканчивающееся лопатками на обоихъ концахъ. Составляя такимъ образомъ одно цѣлое съ своимъ челнокомъ, онъ несется по волнамъ почти такъ же быстро, какъ и тюлень; сдѣлать 100 верстъ въ день для него совсѣмъ не трудно.

Для морскихъ путешествій эскимось имѣетъ каякъ, а для путешествій по льдамъ онъ дѣлаетъ легкія, красивыя, прочныя сани изъ моржовыхъ костей, связанныхъ ремнями. Въ эти сани онъ запрягаетъ собакъ—его единственное домашнее животное. Эскимосская собака очень похожа на полярнаго волка: у нея такая же шерсть, такія же уши, такой же широкій лобъ и острая морда. Она даже не лаетъ, а только воетъ. Но все-таки она на видъ была бы красива, если бы кормить ее и держать въ чистотѣ. Къ сожалѣнію, если она сама не добудетъ себѣ корма, то отъ хозяевъ она получаетъ его такъ мало, что въ теченіе долгихъ мѣсяцевъ скорѣе похожа на скелетъ, чѣмъ на живое существо. А между тѣмъ эта собака приноситъ эскимосу огромную пользу. Сомнительно даже, могъ ли бы онъ существовать въ Гренландіи безъ этихъ превосходныхъ животныхъ.

По крайней мѣрѣ полярные путешественники не жалѣли никакихъ издержекъ, чтобы пріобрѣсти себѣ эскимосскихъ собакъ, и всегда очень нуждались въ нихъ.

Какъ ни безцѣнны услуги, оказываемыя эскимосскою собакой ея господину, за нихъ она не видитъ ни ласки, ни участія. Удары, пинки ногою, мучительный голодъ—вотъ награда бѣдному животному. Не удивительно поэтому, что собака не обнаруживаетъ никакой привязанности къ своимъ хозяевамъ и смотритъ полудикой и угрюмой.

Впрочемъ, голодаютъ не однѣ собаки. Эскимосы тоже зачастую терпятъ мученія голода. Если охота удачна, если удалось добыть тюленя или моржа, тогда эскимосское селеніе полно жизни, движенія. Мясо и сало навалены на льду, мужчины и женщины рѣжутъ его на куски и снимаютъ кожу съ звѣрей, въ то время какъ дѣти, вооружась ребрами моржа, играютъ въ снѣжный мячъ. При этомъ всѣ наѣдаются до отвала. Но если тюлени и моржи уйдутъ къ югу, какъ это бываетъ въ суровыя зимы, то положеніе эскимосовъ, живущихъ въ сѣверной Гренландіи, дѣлается ужаснымъ. Въ 1830 году китоловы пристали къ западному берегу Гренландіи у мыса *Горка* и пошли къ виднѣвшимся неподалеку хижинамъ эскимосовъ. Ихъ очень удивило, почему они не замѣчаютъ никакихъ слѣдовъ на снѣгу по напра-

влению къ хижинамъ. Но когда они заглянули въ одну изъ нихъ, то имъ все стало ясно: тамъ, возлѣ потухшаго ночника, лежали четыре человѣческихъ трупа; впавшіе глаза и оцѣпенѣлыя черты лица не позволяли сомнѣваться въ ужасной катастрофѣ. Замерзшая собака протянулась возлѣ мертваго хозяина и замерзшій ребенокъ покоился за спиной мертвой матери. Въ другихъ хижинахъ были подобныя же сцены. Все маленькое селеніе вымерло съ голода.

Горе безпомощному человѣческому сердцу, обреченному биться въ ледяной пустынѣ!

Путешествіе д-ра Фр. Нансена поперекъ Гренландіи.

Dr. Fridtjof Nansen. Auf Schneeschuhen durch Grönland.

I.

«Въ одинъ ненастный осенній вечеръ 1883 года,— я помню его такъ хорошо, какъ будто онъ былъ вчера,—я сидѣлъ въ креслѣ и равнодушно слушалъ, какъ читали вслухъ газеты. Внезапно мое вниманіе привлекла къ себѣ телеграмма, въ которой сообщалось, что Норденшельдъ счастливо вернулся изъ своей экспедиціи внутрь Гренландіи, что онъ не нашелъ тамъ ни одного оаза, а только безконечное снѣжное поле, что двое лапландцевъ прошли по этому снѣгу въ короткое время неимоверное разстояніе и принесли извѣстіе о большомъ удобствѣ ходьбы на лыжахъ внутри страны. Мысль перейти на лыжахъ поперекъ всю Гренландію, отъ одного берега до другого, блеснула въ головѣ моей какъ молнія.

«Если начать путешествіе,—думалъ я,—съ западнаго берега, какъ это дѣлали всѣ до сихъ поръ, то можно быть увѣреннымъ, что предпріятіе не удастся. Въ этомъ случаѣ путешественники будутъ въ положеніи евреевъ, выходившихъ изъ Египта: позади нихъ будутъ удобства и покой, а впереди—неизвѣстная пустыня и восточный берегъ Гренландіи, который не лучше пустыни. Даже если бы переходъ и удался, необходимо совершить другой такой же переходъ назадъ, чтобы вернуться на родину.

«Поэтому единственно вѣрный путь черезъ Гренландію будетъ такой: необходимо пробиться сквозь пловучіе льды къ восточной части острова и отсюда идти къ населенному западному берегу. Этимъ способомъ путешественникъ лишитъ себя разъ навсегда всякой возможности вернуться назадъ и ему не придется понуждать своихъ спутниковъ,—едва ли кто изъ нихъ захочетъ возвратиться къ безлюдной восточной окраинѣ острова, когда впереди у всѣхъ будетъ западный берегъ, манящій къ себѣ удобствами цивилизаціи и осѣдлости. Тогда останется одно—идти впередъ. Смерть или западный берегъ Гренландіи—вотъ что будетъ паролемъ для путешественниковъ».

Таковъ рѣшительный планъ, который составилъ Нансенъ. Но для его осуществленія необходимы были деньги, а ихъ у Нансена не имѣлось. Онъ обратился къ норвежскому университету съ просьбой

дать ему 5.000 кронъ *) на его предпріятіе; совѣтъ университета, отнесясь сочувственно къ предложенію, пожелалъ, чтобы оно было поддержано правительствомъ; но правительство не нашло возможнымъ поддержать просьбу Нансена, а газеты писали по этому поводу, что странно будетъ, если норвежскій народъ пожертвуетъ столь крупную сумму, какъ 5.000 кронъ, для того, чтобы частный человѣкъ могъ предпринять для своего удовольствія прогулку въ Гренландію. Большинство, прослышавъ о планѣ Нансена, находило его безуміемъ. «Чего онъ не видалъ внутри Гренландіи?» говорили они.

По счастью, нашелся человѣкъ, который помогъ Нансену. Это былъ датчанинъ Августинъ Гамель, который и раньше помогалъ деньгами различнымъ научнымъ предпріятіямъ. Такое участіе лично незнакомаго Нансену иностранца глубоко тронуло и въ то же время ободрило его. Онъ сталъ дѣлательно готовиться.

Прежде всего онъ напечаталъ въ газетахъ о своемъ намѣреніи. Планъ былъ таковъ: съ двумя или тремя лучшими, сильнѣйшими ходоками на лыжахъ отправиться изъ Исландіи въ началѣ іюня на норвежской промысловой шкунѣ къ восточному берегу Гренландіи и тамъ постараться высадиться около 66° с. ш. Всего лучше это сдѣлать немного сѣвер-

---

*) Крона—около 50 копеекъ.

нѣе мыса *Данъ*, такъ какъ берегъ здѣсь не посѣщенъ ни однимъ европейцемъ и поэтому нуждается въ изслѣдованіи. Послѣ непродолжительнаго осмотра берега нужно подняться на ледъ Гренландіи и направить путь на сѣверо-западъ, къ селенію *Кристиансбъ*; при этомъ придется пройти 650 верстъ. Положивъ 20—30 верстъ въ день, что для хорошаго ходока на лыжахъ вовсе не много, можно совершить путешествіе въ 1 мѣсяцъ. Если при этомъ взять провіанта на время вдвое большее, то будетъ полная вѣроятность за благопріятный исходъ экспедиціи.

Когда въ печати появилось это заявленіе Нансена, то въ отвѣтъ ему въ норвежской, датской и англійской прессѣ слышались весьма неодобрительные отзывы. Однакожъ, несмотря на предостерегающіе голоса и на всеобщее мнѣніе, что предпріятіе въ цѣломъ представляетъ безуміе, все-таки нашлось болѣе 40 человѣкъ, которые предлагали себя въ участники экспедиціи. Въ числѣ ихъ были люди весьма различныхъ общественныхъ положеній: офицеры, фармацевты, купцы, крестьяне, моряки, студенты и проч. При этомъ вызвались идти не одни норвежцы, но также датчане, французы, голландцы и англичане.

Нансенъ подобралъ себѣ трехъ товарищей, такихъ же богатырей какъ онъ, такихъ же неутомимыхъ ходоковъ на лыжахъ. Вотъ имена его спутниковъ:

Отто Свердрупъ, норвежскій морякъ, 33 лѣтъ, медвѣжьей силы и непомѣрнаго мужества, но къ книгамъ особой любви никогда не имѣвшій.

Дитрихсонъ, капитанъ норвежской пѣхоты, 32 лѣтъ, всю жизнь занимавшійся усиленной гимнастикой и движеніемъ на вольномъ воздухѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ человѣкъ весьма образованный, хорошо умѣвшій составлять карту пройденной мѣстности и дѣлать метеорологическія наблюденія.

Христіансенъ Трана, норвежскій крестьянинъ, 24 лѣтъ, человѣкъ твердаго характера, неустрашимый и честный.

Въ качествѣ помощниковъ были наняты за плату два лапландца, которые, впрочемъ годились только на то, чтобы везти сани. Молодой назывался *Бальто*, а старый—маленькій и плюгавый—*Равна*.

Когда нашлись подходящіе люди, нужно было подумать о снаряженіи экспедиціи. Такъ какъ приходилось тащить на себѣ каждый кусокъ хлѣба, который понадобится въ дорогѣ, то естественно было подумать, какъ бы весь багажъ сдѣлать возможно легче. Занимаясь приготовленіями къ такому путешествію, человѣкъ поневолѣ начинаетъ цѣнить вещи главнымъ образомъ по ихъ вѣсу: чѣмъ предметъ легче, тѣмъ онъ лучше, такъ что карманный ножъ и тотъ приходится выбирать изъ возможно менѣе тяжелыхъ. Однакожъ въ погонѣ за легкостью нельзя

забывать, что вещи должны быть прочны, такъ какъ имъ предстоить выдержать суровое испытаніе.

Прежде всего приходилось подумать о саняхъ; вотъ гдѣ слѣдовало соединить возможную легкость съ прочностью, и Нансену удалось это вполнѣ. По его заказу было сдѣлано пять саней изъ тонкихъ ясеневыхъ палочекъ, связанныхъ помощью ремней; не было ни одного гвоздя, отчего сани вышли очень эластичными и прочными. Во время всего путешествія ни однѣ изъ нихъ не испортились. Длина саней равнялась 9 футамъ, ширина— $1\frac{1}{2}$ футамъ. Подъ ихъ полозья были привинчены тонкія стальные пластинки, служившія подрѣзами. Всѣ сани вмѣстѣ съ этими пластинками достигалъ 30 фунтовъ.

Послѣ саней нужно было подумать о томъ, какъ устроить постель на снѣгу. Для этого было сшито два *спальныхъ мѣшка* изъ оленьихъ кожъ. Каждый мѣшокъ служилъ постелью для трехъ людей, которые влѣзали въ него и закрывались съ головою. Еще лучше, можетъ быть, было бы сдѣлать одинъ общій мѣшокъ для всѣхъ, но Нансенъ не рѣшился на это: если бы, по несчастію, сани съ этимъ мѣшкомъ упали въ трещину льда, то всѣ люди окончательно лишились бы возможности укрыться отъ холода, между тѣмъ какъ при двухъ мѣшкахъ одинъ всегда уцѣлѣетъ и имъ можно пользоваться попеременно.

Почти всю одежду рѣшено было нести на себѣ. Эта одежда состояла только изъ шерсти. На тѣло надѣвалось шерстяное бѣлье, а поверхъ него шерстяная фуфайка, панталоны и куртка; ноги обувались въ двѣ пары шерстяныхъ чулокъ и въ мягкіе полусапожки особаго устройства. Во время непогоды поверхъ одежды можно было надѣть легкій непромокаемый плащъ, снабженный капюшономъ, который надѣвался на голову поверхъ шерстяной шапки съ наушниками и шерстяного башлыка.

Затѣмъ оставалось устроить прочную складную палатку, спиртовой аппаратъ для варки пищи и заготовить необходимый запасъ провіанта.

На основаніи научныхъ фізіологическихъ данныхъ Нансенъ заключилъ, что для cadaго изъ путешественниковъ необходимо въ день слѣдующее количество питательныхъ веществъ:

200 gr. бѣлка,

63 gr. жира,

637 gr. крахмала или сахара.

Въ такомъ разчетѣ и было взято провизіи; но при этомъ произошла ошибка, отъ которой пришлось много терпѣть впослѣдствіи. Нансенъ купилъ въ Копенгагенѣ запасъ пемикана (т.-е. высушеннаго мяса), приготовленнаго, какъ ему сказали, по американскому способу. Такъ какъ американскій пемиканъ состоитъ наполовину или на одну треть изъ

жира, то это и было принято во вниманіе; въ послѣдствіи же, передъ самымъ отправленіемъ, открылось, что въ купленномъ пемиканѣ совсѣмъ нѣтъ жира. Пришлось захватить съ собою нѣкоторый запасъ масла; но этого запаса было недостаточно, такъ что всѣ путешественники испытывали потомъ мучительную потребность въ жирѣ, о которой никто, не испытавъ ея, не можетъ составить понятія.

Весьма много пользы принесъ мясной шоколадъ, купленный въ Парижѣ; его взяли съ собою около пуда. Единственнымъ неудобствомъ этого шоколада было то, что онъ слишкомъ быстро переваривался желудкомъ и послѣ него очень скоро опять хотѣлось ѣсть.

Для супа взять былъ запасъ колбасы, сдѣланной изъ гороха и бобовъ съ саломъ и ветчиной; хлѣбъ замѣнили англійскими мясными сухарями, а для приготовленія напитка имѣлись кофе и чай; что же касается до водки, то Нансенъ рѣшительно исключилъ ее изъ числа необходимыхъ продуктовъ, находя что употребленіе ея приносить много вреда, но нисколько пользы.

Наконецъ, весьма существенную часть багажа составляли два двустольныя ружья и нѣкоторые инструменты: теодолитъ, секстантъ, компасы, барометры-анероиды, термометры, часы и пр.

Когда все было готово, Нансенъ и его товарищи

хотѣли попробовать на дѣлѣ удобства своихъ приспособленій. Однажды вечеромъ они отправились въ лѣсъ недалеко отъ города Кристіаніи. Всѣ шли на своихъ лыжахъ и тащили сани съ багажомъ. Въ лѣсу была разбита палатка на снѣгу, тамъ былъ сваренъ кофе на спиртовомъ аппаратѣ, при чемъ вода получена была изъ снѣга, потомъ всѣ влѣзли въ спальные мѣшки и такъ проспали ночь. Одинъ изъ лопарей рассказывалъ по этому поводу, что Нансенъ и его товарищи спали въ своемъ мѣшкѣ какъ медвѣди; только въ 10 часовъ утра удалось разбудить ихъ. Изъ этого уже можно понять, что всѣ приготовленія къ путешествію были сдѣланы довольно удачно.

II.

9 мая 1888 г. путешественники отплыли на датскомъ пароходѣ *Thyra*, который дѣлалъ правильные рейсы между Даніей и Исландіей. Прибывъ на этотъ островъ, они нашли тамъ небольшой корабль, отправлявшійся къ восточному берегу Гренландіи бить тюленей. Этотъ корабль назывался *Язонъ*. Капитанъ его охотно взялся довести Нансена съ товарищами до Гренландіи.

Вечеромъ 4 іюня *Язонъ* снялся съ якоря и покинулъ исландскій берегъ, позлащенный прощальными лучами заходящаго Солнца. Наступила свѣт-

лая полярная ночь. Исландія тонула въ голубоватомъ туманѣ, а вмѣстѣ съ нею убѣгало все, что осталось назади, въ Европѣ.

Уже на слѣдующій день стали встрѣчаться плывучіе льды. Великолѣпными, блестящими громадами плыли они навстрѣчу кораблю, увлекаемые полярнымъ теченіемъ вдоль восточнаго берега Гренландіи изъ тѣхъ невѣдомыхъ морей далекаго сѣвера, которыхъ не видалъ еще ни одинъ человѣкъ отъ самаго сотворенія міра.

Язонъ не спѣшилъ къ берегамъ Гренландіи. Его капитанъ не забывалъ своей главной задачи—набить какъ можно больше тюленей, и потому едва замѣчали стадо тюленей на льдинѣ, какъ тотчасъ же посылали къ нимъ шлюпку съ людьми. Около 100 животныхъ пало подъ ударами промышленниковъ, и только 13 іюля, когда уже оставалось мало надежды найти тюленей, было рѣшено плыть прямо къ Гренландіи.

Около полудня раздался на палубѣ возгласъ: «земля!» Нансенъ вышелъ на верхъ и увидѣлъ Гренландію: мысъ *Данъ*, который легко было узнать по его куполообразной формѣ, скалы *Сермеликъ-фіорда* и льды, спускающіеся къ морю.

До берега оставалось не больше $2\frac{1}{2}$ миль, но ледъ мѣшалъ плыть къ нему. Насколько можно было замѣтить съ корабля, ледъ вначалѣ казался довольно

удобнымъ для прохода, но дальше онъ шелъ гуще, хотя и тамъ виднѣлись небольшія прогалины; ближе къ берегу море было совсѣмъ чисто.

Для такого корабля, какъ *Язонъ*, было бы нетрудно пробиться сквозь узкую полосу плавучаго льда,— онъ уже столько разъ пробивался сквозь гораздо болѣе мощныя льдины; но тогда онъ преслѣдовалъ тюленей, имѣлись въ виду торговые интересы; теперь же дѣло было совсѣмъ иное. Нансенъ говоритъ, что, будь корабль его собственный, онъ не задумался бы пробраться сквозь льды; но такъ какъ онъ былъ гостемъ на борту, то ему оставалось только спустить на воду два бота и начать грузить въ нихъ багажъ. Всѣ члены экспедиціи принялись писать письма на родину, посылать послѣднее прощаніе друзьямъ и роднымъ. Нансенъ написалъ письмо въ норвежскую газету «Утренній Листокъ», въ которомъ рассказываетъ, при какихъ условіяхъ онъ рѣшается высадиться на берегъ.

Въ 7 часовъ вечера все было готово. Дружески и трогательно простились путешественники съ капитаномъ *Язона*, типичнымъ морякомъ-норвежцемъ, и со всѣми бывшими на кораблѣ. Мысль, что, можетъ быть, Нансенъ и его товарищи не вернутся изъ своего путешествія, придавала грустный оттѣнокъ прощанью. Затѣмъ путешественники спустились въ шлюпки. «Всѣ на мѣстахъ? Отчаливай!» И когда

боты подь сильными ударами весель, стали разсѣ-
кать темную воду, воздухъ огласился троекратнымъ
«ура» 64 человекъ и выстрѣломъ изъ двухъ пу-
шекъ *Язона*. Глухо прокатился ихъ ударъ въ ненаст-
номъ тускломъ воздухѣ и замеръ. Послѣдній мостъ,
соединявшій Нансена съ Европой, сломался,—про-
щай все, что тамъ осталось! Обѣ шлюпки подь мѣр-
ные удары весель вступили въ полосу пловучаго
льда.

III.

Плаваніе началось очень удачно. Ледъ шелъ не-
плотно, такъ что лодки всегда могли пройти
между льдинами съ небольшою помощью багровъ;
только кое-гдѣ приходилось перетаскивать ихъ че-
резъ льдину. Берегъ сталъ такъ близокъ, что на
немъ ясно были видны камни и неровности скалъ.
Путешественники уже выбирали на немъ мѣстечко,
гдѣ отдохнуть и напиться кофе. Но въ это время
одинъ изъ ботовъ царапнула льдина острымъ сво-
имъ краемъ и повредила его. Необходимо было вы-
тащить боть на льдину, разгрузить и починить. Сверд-
рупъ и Христіансенъ принялись за работу и съ по-
мощью доски, лежавшей про запасъ на днѣ бота,
нѣсколькихъ большихъ гвоздей и топора поправи-
ли его.

Однакожъ это маленькое несчастіе испортило все

дѣло. Пока чинили боть, ледъ кругомъ сгустился, небо закрылось облаками и дождь полилъ ливня. Ничего не оставалось дѣлать, какъ поставить на льду палатку и ждать. Это было 18-го іюля въ 10 часовъ утра. Лучшее, что можно было предпринять въ такомъ положеніи,—это залѣзть въ спальные мѣшки и заснуть, чтобы укрѣпить силы, утомленные 15-тичасовой работой. Такъ и было сдѣлано.

Во время сна одинъ изъ товарищей долженъ былъ бодрствовать и тотчасъ же разбудить всѣхъ, какъ только ледъ порѣдѣетъ настолько, что можно будетъ плыть. Но будить не пришлось: ледъ нисколько не измѣнился къ лучшему; нельзя было ни плыть, ни тащить лодки по льду. Можно было только спать — гораздо больше, чѣмъ сколько хотѣлось.

19-го іюля, часовъ въ 6 вечера небо нѣсколько разъяснилось и вдали показались берега *Сермеликь-фйорда*. Но берегъ отстоялъ уже вдвое дальше, чѣмъ наканунѣ. Зато льды значительно разошлись и появилась возможность плыть. Съ радостью принялись всѣ за работу и скоро проплыли значительное разстояніе. Но тутъ ледъ опять сгустился и пришлось опять вытаскивать боты на льдину. Снова поставили палатку, переодѣлись въ сухое платье и стали сушить мокрую одежду. Это было особенно необходимо для Нансена, такъ какъ онъ, желая прыгнуть

съ льдины въ лодку, упалъ въ воду. Подобныя невольныя купанья были, впрочемъ, весьма обычнымъ явленіемъ въ жизни экспедиціи. Къ счастью, Солнце ярко свѣтило, и всѣ грѣлись въ лучахъ его.

На слѣдующее утро, 20 іюля, Нансенъ проснулся отъ сильнаго толчка, потрясшаго палатку. Всѣ вышли изъ своихъ мѣшковъ и увидали, что ихъ льдина раскололась поперекъ въ недалекомъ разстояніи отъ палатки. Въ морѣ начиналась непогода, и волны съ шумомъ разбивались о льдину, обливая края ее соленой водой и пѣной. Эта льдина имѣла сначала около 14 сажень въ поперечникѣ; теперь она раскололась надвое, а потомъ еще въ нѣсколькихъ направленіяхъ, такъ что подъ конецъ стала очень небольшой. Неподалеку плыла огромная, массивная льдина, еще совсѣмъ цѣльная, и путешественники перебрались на нее. А между тѣмъ волненіе моря все усиливалось. Положеніе становилось критическимъ.

Бѣдные лопари сильно струсили. Съ утра они куда-то исчезли, и никто не могъ понять, куда они дѣвались, такъ какъ на льдинѣ трудно найти мѣсто, гдѣ можно спрятаться. Ихъ отыскиали на днѣ бота, — они лежали рядомъ, закрывшись парусиной. Младшій изъ нихъ, Бальто, читалъ другому, старому лапландцу, переводъ Библіи. Впослѣдствіи оказалось, что они тамъ проливали горькія слезы и упрекали

себя за то, что покинули родину. Они оба готовились къ смерти.

Однако къ обѣду лапландцы вышли изъ своего убѣжища. Обѣдъ былъ приготовленъ обычный, только въ виду печальныхъ событій сварили супъ изъ гороховой колбасы — такое мотовство допускалось не часто. Въ это время волненіе моря все усиливалось, такъ что спиртовой аппаратъ нѣсколько разъ едва не опрокидывался.

Съ наступленіемъ вечера всѣ легли спать, за исключеніемъ Свердрупа, который, какъ самый опытный и самый спокойный, согласился стоять на вахтѣ и разбудить остальныхъ въ критическую минуту. По истеченіи двухъ часовъ его долженъ былъ замѣнить Христіансенъ.

Не смотря на опасность положенія, всѣ крѣпко заснули. Спустя нѣсколько времени Нансенъ проснулся отъ шума волнъ, раздававшагося возлѣ самыхъ его ушей, за полотномъ шатра. Льдина качалась, какъ корабль во время бури, и ревъ волнъ былъ оглушителенъ. Нансенъ ждалъ каждое мгновение, что вотъ-вотъ Свердрупъ подастъ сигналъ тревоги или что палатку зальетъ водою, но ничего этого не было. Ясно слышались шаги Свердрупа между палаткой и лодками. Спокойно, твердо, заложивъ руки въ карманы, ходилъ онъ взадъ и впередъ, всматриваясь въ море, кладя отъ времени до времени немного табаку въ ротъ. Нансенъ заснулъ снова.

Къ утру волненіе стихло, и 21-го іюля былъ тихій солнечный день. Лдины шли спокойно кругомъ, и даже лапландцы развеселились. Вдали видѣлся берегъ Гренландіи; но къ нему попрежнему нельзя было ни плыть, ни идти.

Слѣдующіе 7 дней, въ теченіе которыхъ наши путешественники плыли на своей льдинѣ вдоль берега Гренландіи, проходили довольно однообразно. Это однообразіе нарушалось только видомъ тюленей: они высовывали изъ воды свои большія круглыя головы, съ удивленіемъ смотрѣли на новыхъ, невиданныхъ ими обитателей льда и потомъ съ громкимъ плескомъ исчезали подъ водою. Разъ на льдину пришелъ даже бѣлый медвѣдь, но испугался людей и скрылся. Большую часть времени люди проводили въ палаткѣ; одни читали, другіе писали дневникъ, Бальто чинилъ башмаки и только Равна по обыкновенію ничего не дѣлалъ. Норвежцы бесѣдовали часто о прошломъ, о родинѣ, о своихъ дѣтскихъ годахъ. Все человѣчество казалось имъ отсюда, съ плавучей льдины, такимъ далекимъ, недостижимымъ.

28-го іюля густой туманъ легъ на окрестность. Во льду замѣтна была перемѣна. Онъ словно началъ растворяться въ водѣ океана. Къ ночи туманъ еще болѣе сгустился, но ночь прошла какъ обыкновенно. На утро старый лопарь Равна, стоявшій на вахтѣ,

просунуль голову въ палатку, и Нансена поразило выраженіе его лица, безпокойное, смущенное. Онъ спросилъ его: «Что ты, Равна?» Голосомъ, исполненнымъ волненія, тотъ отвѣчалъ, что земля близка и ледъ расходится.

Эти слова поразили Нансена какъ молнія. Онъ выскочилъ изъ палатки и увидѣлъ землю совсѣмъ близко отъ себя. Ледъ значительно разошелся, а ближе къ берегу видно было совсѣмъ чистое море. Нансенъ разбудилъ товарищей; всѣ поспѣшно позавтракали, спустили лодки въ воду и стали нагружать ихъ вещами. Скоро все было готово, и люди отчалили отъ льдины. Быстро поплыли они на веслахъ между льдовъ и черезъ нѣсколько часовъ вышли въ чистую воду. Всеобщая радость была безпредѣльна. Всѣ усиленно спѣшили къ берегу, чтобы коснуться ногами какъ можно скорѣе земли. Наконецъ они ея достигли. Подъ ихъ ногами были теперь камни, настоящіе камни. Люди влѣзли на скалы, какъ дѣти радовались каждой вѣточкѣ мха, каждой травкѣ, а небольшой цвѣтокъ, распустившійся въ трещинѣ скалы, вызвалъ въ нихъ цѣлую бурю восторга и ликованія. Все было имъ такъ ново, переходъ былъ такъ неожиданъ и быстръ. Лопари тоже съ интересомъ разсматривали берегъ, и прошло много времени, прежде чѣмъ они снова явились.

Когда миновали первыя минуты шумной радости,

нужно было подумать о предметѣ болѣе прозаичномъ—о закускѣ. Нансенъ давно обѣщалъ угостить всѣхъ шоколадомъ, когда они достигнутъ берега, и вотъ теперь настало время исполнить обѣщаніе. Чтобы натереть шоколадъ, рукъ было довольно, такъ что Нансенъ могъ пока пройтись взглянуть на окрестность.

Онъ взобрался по крутымъ скаламъ на небольшую площадку, покрытую мхомъ, и сѣлъ на камень, чтобы нарисовать видъ берега. Сидя такъ, наслаждаясь зрѣлищемъ земли и полнотою своего счастья, онъ услышалъ давно знакомое пѣніе комара, который спустился къ нему на руку. То былъ настоящій, живой комаръ. И вслѣдъ за однимъ появились и другіе. Онъ оставилъ ихъ сосать кровь,—онъ былъ такъ радъ имъ! Эти маленькія существа чувствительно доказывали ему, что онъ находится на землѣ, и, должно быть, прошло много времени, прежде чѣмъ имъ удалось попробовать человѣческой крови.

Черезъ нѣсколько времени Нансенъ услыхалъ чирканье и замѣтилъ птичку, снѣжнаго подорожника, сидѣвшаго близъ него на камнѣ; съ удивленіемъ рассматривалъ подорожникъ вновь прибывшаго гостя и поворачивалъ голову то въ одну сторону, то въ другую. Потомъ онъ защебеталъ снова, перелетѣлъ на другой камень, поглядѣлъ еще разъ на человѣка и улетѣлъ.

Когда Нансенъ спустился опять къ товарищамъ, шоколадъ все еще не былъ готовъ, такъ какъ вода долго не кипѣла, — ее приходилось получать изъ снѣга. Наконецъ, шоколадъ закипѣлъ, и теперь шесть жадныхъ, голодныхъ ртовъ накинулись на горячій небесный напитокъ. Къ этому прибавлено было еще нѣсколько вкусныхъ вещей, въ родѣ овсяныхъ лепешекъ и швейцарскаго сыра, такъ что обѣдъ вышелъ совсѣмъ королевскій, какого у нихъ еще ни разу не было, но который они вполне заслужили. Разговоръ шелъ весьма оживленный.

Рѣшено было отнынѣ спать какъ можно меньше, работать какъ можно больше, ѣсть только сухари да сушеное мясо, пить только воду. Необходимо было торопиться, такъ какъ лучшее время потеряно, а западнаго берега Гренландіи достигнуть необходимо. Теперь требовалась вся энергія, на которую были способны эти люди.

IV.

Въ пять часовъ пополудни наши путешественники сѣли въ лодки и поплыли вдоль берега по направленію къ сѣверу. Вначалѣ плаваніе шло очень хорошо, но скоро пришлось опять бороться съ плавающими льдами. Изнемогая отъ усталости, обливаясь потомъ, всѣ работали безъ отдыха баграми и топорами, расталкивая и раскалывая ледъ, и подвига-

лись все дальше къ сѣверу. Наконецъ силы надорвались; отдыхъ сталъ необходимъ послѣ 24-часового труда. 30 іюля, около полудня путешественники остановились возлѣ скалистаго мыса и рѣшили

отдохнуть. Во время обѣда Нансенъ услышалъ какой-то звукъ, весьма похожій на голосъ человѣка. Онъ обратилъ на это вниманіе своихъ товарищей, но встрѣча съ человѣкомъ казалась здѣсь такъ мало вѣроятной, что всѣ были убѣждены, что это крикъ

какой-либо птицы. Когда же обѣдъ приходилъ къ концу, раздался возгласъ, столь близкій и ясный, что всѣ вскочили, и одинъ изъ нихъ поклялся, что это кричить не птица.

Наконецъ лопарь Бальто, взобравшись съ подзорной трубкой на скалу, закричалъ оттуда, что видны два человѣка. Нансенъ поспѣшилъ къ лапландцу и увидѣлъ двѣ черныя точки, которые плыли въ челнокахъ, при чемъ весла ихъ вертѣлись въ воздухѣ, какъ крылья вѣтряныхъ мельницъ. То были два маленькихъ человѣка въ каякахъ. Приблизившись, они причалили къ скалѣ, потомъ вскочили на нее, ловко втащили свои каяки, и вотъ передъ европейцами въ первый разъ явились язычники-эскимосы восточнаго берега Гренландіи. Два нѣсколько дикихъ, но дружескихъ лица улыбаясь смотрѣли на европейцевъ. Эскимосы были одѣты въ куртки и панталоны изъ тюленьей кожи, но добрая часть ихъ тѣла у пояса и колѣнъ оставалась обнаженной.

Оба были маленькіе человѣчки, повидимому, совершенно юные, съ темнымъ, почти каштановымъ цвѣтомъ кожи и съ длинными, черными какъ смоль волосами. Оба казались до того женоподобны, что Нансенъ нѣкоторое время сомнѣвался даже, мужчины ли то были.

Подойдя къ европейцамъ, они смѣялись, жестикулировали и болтали на языкѣ, котораго никто не

понималъ. Они показывали на сѣверъ и на югъ, на льды и на землю, на себя и на европейцевъ и при этомъ говорили безъ умолку. Европейцы смотрѣли на нихъ и улыбались, между тѣмъ какъ лапландцы чувствовали себя не совсѣмъ хорошо: они побаивались этихъ «дикихъ людей» и держались въ сторонкѣ.

Нансенъ старался объяснить эскимосамъ, что онъ прибылъ сюда не съ юга вдоль берега, но въ востока, со стороны океана, и когда они поняли его, то оба издали долгое мычаніе, очень похожее на мычаніе коровы: это, очевидно, выражало у нихъ высшую степень изумленія. Они смотрѣли то на европейцевъ, то другъ на друга и либо не вѣрили ничему, либо считали этихъ пришельцевъ за сверхъестественныя существа. Съ большимъ вниманіемъ принялись они осматривать европейскія вещи, особенно лодки, при чемъ ихъ необыкновенно поразила желѣзная обшивка ботовъ.

Нансенъ далъ имъ по мясному англійскому сухарю, чему они были весьма рады, съѣли по маленькому кусочку, а остальное спрятали, какъ бы желая показать своимъ. Потомъ они съ ловкостью кошекъ влѣзли въ свои каяки и, взмахнувъ веслами, полетѣли легко и беззвучно по гладкой поверхности моря, между льдинами, по направленію къ сѣверу.

Послѣ отдыха Нансенъ и его товарищи поплыли дальше и скоро увидали передъ собою глетчеръ *Пуисортонъ*, который спускается прямо въ открытое море и имѣетъ очень страшную славу. О немъ говорятъ, что ледъ въ немъ виситъ надъ водою на протяженіи около версты, такъ что плывущій мимо почти навѣрное погибаетъ. Однакожъ Нансенъ не нашелъ въ этомъ глетчерѣ ничего страшнаго; плаваніе возлѣ него было вполнѣ счастливо, и приходилось только любоваться величественною красотою гигантскаго ледника.

Немного сѣвернѣе *Пуисортока* путешественники услышали смѣшанный шумъ, несшійся съ берега; шумъ напоминалъ и человѣческіе голоса, и вой собакъ вмѣстѣ.

Оказалось, что здѣсь расположилась цѣлая толпа людей. Они разбрелись по береговымъ скаламъ и оживленно говорили другъ съ другомъ, жестикулируя и показывая на приближавшіеся боты. Тутъ были также шатры изъ звѣриныхъ кожъ, и вѣтеръ приносилъ оттуда запахъ ворвани. Хотя вечеръ еще не наступилъ, но Нансенъ не хотѣлъ отказать себѣ въ удовольствіи посмотреть поближе этотъ любопытный таборъ. Едва европейцы причалили къ берегу, какъ въ лагерь эскимосовъ началась необыкновенная суматоха: всѣ столпились въ кучу, кричали, смѣялись и издавали коровье мычанье, которое

служить у нихъ выраженіемъ удивленія; казалось, будто цѣлое стадо коровъ реветъ при видѣ утренняго корма, принесеннаго имъ въ стойла. Все это оживленіе, шумъ и суматоха составляли рѣзкій контрастъ съ пустыннымъ молчаніемъ, которое окружало до сихъ поръ путешественниковъ.

Когда Нансенъ подошелъ къ самому большому шатру, его тотчасъ стали приглашать войти, и онъ не замедлилъ послѣдовать приглашенію. Представившееся ему зрѣлище, а также окружающая его атмосфера показались для европейскихъ глазъ и для европейскаго носа, говоря деликатно, въ высшей степени непріятными. Конечно, Нансенъ и раньше слышалъ и читалъ, что эскимосы восточнаго берега Гренландіи, находясь въ своихъ хижинахъ, довольствуются ничтожною одеждой и что въ ихъ жилищахъ атмосфера мало ароматна, но то, что онъ увидалъ и обонялъ, превышало всѣ его ожиданія. Здѣсь была смѣсь всевозможныхъ запаховъ, но больше всего кидалась въ носъ вонь отъ ворвани въ ночникахъ и вонь отъ человѣческихъ испареній и жидкостей, сохранявшихся въ сосудахъ. Спутники Нансена не выдержали и поспѣшно ушли изъ шатра.

Постепенно входило въ шатеръ все больше и больше народа; наконецъ онъ совсѣмъ наполнился людьми. Гости стояли при входѣ, тогда какъ хозя-

ева шатра лежали и сидѣли на широкихъ дощатыхъ нарахъ, устроенныхъ вдоль задней стѣны. Нѣсколько слоевъ тюленьихъ кожъ покрывали ихъ. На этихъ нарахъ проходитъ жизнь эскимосовъ, на нихъ они разговариваютъ, работаютъ, ѣдятъ, лежатъ и спятъ.

Въ шатрѣ, въ которомъ былъ Нансенъ, жило 4 или 5 семействъ, и каждое изъ нихъ имѣло свое помѣщеніе на нарахъ. Это помѣщеніе, конечно, крайне мало. Такъ, на площадкѣ наръ въ 4 фута шириною помѣщались мужчина, двѣ женщины и шестеро дѣтей. Передъ каждымъ такимъ семействомъ пылалъ широкимъ огнемъ ночникъ съ ворванью. Ночникъ сдѣланъ изъ камня, имѣетъ полукруглую форму и довольно великъ, часто въ футъ шириною. Свѣтильня изъ сухого мха. На обязанности женщинъ лежитъ забота поддерживать эти лампы, особенной палочкой оправлять свѣтильню, чтобы она не очень коптила и чтобъ пламя не было слишкомъ малымъ. На ночникахъ варится и пища, если ее не съѣдаютъ сырою, варится въ большихъ каменныхъ котлахъ, привѣшанныхъ къ крышѣ. Лампы горятъ день и ночь. Эскимосы не спятъ впотьмахъ, какъ мы, и любятъ быть постоянно окруженными ароматомъ ворвани, который для европейца вначалѣ не особенно пріятенъ, но къ нему можно легко привыкнуть.

Пока Нансенъ сидѣлъ въ эскимосской хижинѣ и разсматривалъ новую для него обстановку, хозяева старались занять его. Они объяснили ему назначеніе cadaго предмета, на который онъ смотрѣлъ, отчасти словами, впрочемъ, вполнѣ ему непонятными, отчасти минами и движеніями. Точно такъ же старались ему объяснить, въ какомъ родствѣ состоятъ различные обитатели шатра. Одинъ изъ мужчинъ обнялъ свою жирную супругу, при чемъ оба они очень умильно смотрѣли на нѣсколькихъ дѣтей давая имъ понять, что это ихъ семья. Мужчина погладилъ по спинѣ женщину и ущипнулъ ея жирное тѣло, вѣроятно, для того, чтобы показать, какъ она прекрасна, и женщинѣ, кажется, такая ласка очень понравилась. Повидимому, въ этомъ шатрѣ каждый мужчина имѣлъ только по одной женѣ, хотя на восточномъ берегу Гренландіи вообще мужчины имѣютъ по двѣ жены. Они обращаются съ женами очень хорошо, и можно часто видѣть, какъ они цѣлуютъ другъ друга, что, впрочемъ, дѣлается не по-нашему, а иначе—они цѣлуются носами.

Всѣ лоснившіяся отъ жира фізіономіи, окружавшія Нансена, не отличались чистотою. Грязь покрывала ихъ корою, такъ что трудно было судить о цвѣтѣ ихъ кожи. Когда эскимосы не заняты работою, то ихъ любимое удовольствіе перебирать руками другъ у друга чащу густыхъ черныхъ волосъ;

иногда въ этой чащѣ производится настоящая охота, и ловимая тамъ дичь немедленно съѣдается.

Посидѣвъ довольно долго въ хижинѣ эскимосовъ и узнавъ все интересное въ ней, Нансенъ вышелъ на воздухъ. Вещи изъ лодокъ были вынесены на берегъ, и самыя лодки нужно было втащить туда же. Протянули веревки отъ каждой лодки къ берегу, и человекъ 20—30 эскимосовъ стали въ рядъ и взялись за веревку. Это было для нихъ истиннымъ наслажденіемъ! Когда же одинъ изъ европейцевъ затянулъ обыкновенный въ такихъ случаяхъ припѣвъ норвежскихъ моряковъ: «всѣ за разъ, всѣ за разъ, гой, о гой», то радость эскимосовъ достигла высшей степени: большіе и малые принялись хохотать до того, что ужъ не могли больше тащить лодку. Вѣроятно, европейцы казались эскимосамъ въ высшей степени уморительными созданиями. Скоро боты были вытащены и была поставлена палатка. Эта палатка возбудила новые крики изумленія и восторга у эскимосовъ. Впрочемъ, они замѣтили, что палатка не будетъ такъ тепла, какъ ихъ большіе, сложные и сдѣланные изъ кожи лѣтніе шатры. Вечеромъ европейцы еще разъ удивили эскимосовъ, когда остались въ однѣхъ фуфайкахъ изъ оленьяго мѣха. Всѣмъ хотѣлось пощупать руками удивительный мѣхъ, котораго они никогда не видывали; то не былъ мѣхъ ни тюленя, ни бѣлаго мед-

вѣдя, ни лисицы, — не былъ ли то мѣхъ собачій? Указывая на завывавшихъ возлѣ нихъ собакъ, они спрашивали знаками, не изъ этого ли мѣха сдѣланы фуфайки, и когда оказалось, что нѣтъ, то воображеніе ихъ уже не могло ничего придумать больше. Очевидно, они никогда не видали оленей.

Окруженные большой публикой, европейцы принялись за свой ужинъ. Мужчины, женщины, дѣти, старики, старухи—всѣ стояли кругомъ, внимательно наблюдая за каждымъ кускомъ кушанья, какъ онъ отправлялся въ ротъ. Облизываясь, они буквально пожирали глазами каждый кусокъ, что, конечно, было очень непріятно.

Между тѣмъ Солнце зашло; путешественники положили свои спальные мѣшки въ палаткѣ и стали готовиться ко сну. Это опять привлекло толпу, которая внимательно смотрѣла въ дверь; большой возторгъ вызвало исчезновеніе всѣхъ въ двухъ мѣшкахъ, такъ что отъ всей экспедиціи осталось только шесть головъ. Но потомъ двери палатки были закрыты и толпа разошлась.

На слѣдующее утро Нансенъ съ товарищами сталъ собираться въ дальнѣйшій путь. Оказалось, что и эскимосы также снимаются съ мѣста, при чемъ одни плывутъ къ югу, другіе—къ сѣверу. Когда все было готово къ отплытію, Нансену удалось наблюдать у эскимосовъ любопытный способъ прощанія

другъ съ другомъ. Какъ скоро женскія лодки, уміаки, исчезли за изгибами берега, двѣ къ югу, а двѣ къ сѣверу, мужчины помѣстились въ своихъ каякахъ, но медлили отправляться. Имъ хотѣлось основательно проститься, прежде чѣмъ они разстанутся на многіе годы. Всѣхъ каяковъ было 12. Вытянувшись въ одну линію, эскимосы достали свои табакерки, наполненныя тертымъ табакомъ, и стали взаимно угощаться. И что это было за нюханье! Рогъ съ табакомъ открывался и табакъ съ силою втягивался въ ноздри, такъ что каждая ноздря набивалась биткомъ. По рукамъ ходило нѣсколько табакерокъ, и всѣ онѣ по два раза обошли кампанію. Можно судить о количествѣ потребленнаго табаку! Нѣкоторые чихали до такой степени, что трудно было понять, какъ они не опрокинутся вмѣстѣ съ своими каяками. Потомъ эскимосы разстались. По видимому, тѣ, которые плыли къ югу, отправлялись въ датскія поселенія у мыса *Феруэль*, другіе же возвращались оттуда къ сѣверу.

Скоро наши путешественники остались опять одни возлѣ пустыннаго и тихаго берега Гренландіи, гдѣ только и были что льды, снѣгъ и обнаженные каменные утесы.

У.

То пробиваясь сквозь льды и работая энергично баграми, то плывя по чистой водѣ, путешественники

понемногу подавались къ сѣверу, руководствуясь картой Гольма и Гарда, изслѣдовавшихъ эту часть гренландскаго берега. Все чаще и чаще попадались имъ навстрѣчу огромныя ледяныя глыбы. Такъ, однажды они замѣтили на горизонтѣ нѣсколько бѣлыхъ вершинъ, похожихъ на горы, покрытыя вѣчнымъ снѣгомъ. Приблизившись къ нимъ, они убѣдились, что то плыла колоссальная льдина самой фантастической формы. Подобно церквамъ или башнямъ, поднимались на ней ледяные зубцы, а сбоку въ отвѣсной стѣнѣ ея виднѣлась пещера, промытая моремъ, столь обширная, что небольшой корабль свободно могъ бы войти въ нее. Эта пещера чудно отливала голубымъ свѣтомъ, доходившимъ до густого ультра-мариноваго. Вся ледяная громада имѣла видъ плавающего волшебнаго дворца, построеннаго изъ сапфира; безчисленные ручейки и водопады шумно текли по ея бокамъ, между тѣмъ какъ изъ пещеры слышался шумъ водяныхъ капель: эхо усиливало его и дѣлало очень громкимъ. Другая ледяная громада была настолько ровна сверху, что Нансенъ и Дитрихсонъ могли влѣзть на нее. Она имѣла 33 сажени въ высоту надъ уровнемъ моря; если вспомнить, что въ 6 или 7 разъ большая часть ея находилась подъ водою, то значить вся высота льдины достигала 200 сажень. И такихъ льдинъ плыла не одна, не двѣ, а цѣлыя сотни и тысячи. Иногда онѣ

раскалывались, и куски отъ нихъ падали въ воду; вслѣдствіе этого льдина теряла равновѣсіе и съ оглушительнымъ шумомъ перевертывалась вверхъ ногами. Все море кругомъ начинало кипѣть и пѣниться, льдины ударялись другъ о друга, распадались въ куски, и вся окрестность наполнялась страшнымъ трескомъ и грохотомъ.

Но опасность грозила также и со стороны берега. Гигантскіе глетчеры спускались оттуда прямо въ море, и часто приходилось плыть возлѣ ихъ отвѣсныхъ стѣнъ, въ которыхъ волны промыли глубокія пещеры, сіявшія голубымъ блескомъ. Иногда огромные куски льда отрывались отъ этихъ глетчеровъ сверху и рушились въ море. Попадись имъ при этомъ лодка, она неминуемо была бы разбита въ щепы.

Такъ подвигались наши смѣльчаки все дальше къ сѣверу, къ большому огорченію лапландцевъ. Наконецъ, они достигли фіорда *Умивикъ*, откуда и рѣшено было начать восхожденіе на ледъ Гренландіи. Утромъ 10-го августа въ густомъ туманѣ они въ послѣдній разъ причалили къ берегу. Лапландецъ Бальто, очутившись на землѣ, сталъ такъ храбръ и смѣлъ, что сейчасъ же началъ представлять своего пастора и сдѣлалъ это съ большимъ успѣхомъ. Нужно замѣтить, что онъ никогда не рѣшился бы на такой поступокъ, если бы не считалъ свою жизнь въ

полной безопасности. По случаю счастливаго окончанія морского пути былъ сваренъ кофе на скалистомъ берегу, возлѣ палатки. Всѣ испытывали радостное чувство, такъ какъ достигли предназначеннаго мѣста, преодолевъ столько затрудненій. Конечно, труднѣйшая и существеннѣйшая часть пути была еще впереди, но тамъ будетъ твердый грунтъ подъ ногами, не будетъ ни плавучихъ льдовъ, ни моря, ни ботовъ, которые каждую минуту могли разбиться. И окрестный ландшафтъ фіорда, одѣтаго дымкой тумана, показался всѣмъ необыкновенно красивымъ. Это было соединеніе двухъ цвѣтовъ: сѣраго съ бѣлымъ, кое-гдѣ прерываемаго синевою,—сѣрый воздухъ, свинцово-сѣрое море съ бѣлыми льдинами и сѣрыя скалы съ бѣлымъ снѣгомъ; только кое-гдѣ сіяли небольшіе голубые клочки въ трещинахъ глетчера или въ углубленіяхъ плавучаго льда.

Съ особеннымъ радостнымъ чувствомъ легли спать путешественники въ этотъ вечеръ. На другой день, 11-го августа, погода была великолѣпная. Синее море разстиралось чистымъ отъ льда до самаго горизонта, и слабый утренній вѣтеръ поднялъ на немъ волны, которыя играли и искрились на солнцѣ. А на берегу Гренландіи блестѣлъ бѣлизною «великій ледъ»; онъ спускался къ самому морю, весьма доступный для восхожденія. Чѣмъ ближе къ морю, тѣмъ онъ становился синѣе, разорваннѣе и нако-

нецъ обрывался въ воду высокою стѣною, съ которой отъ времени до времени падали глыбы съ грохотомъ, похожимъ на пушечные выстрѣлы.

15-го августа обѣ лодки были вытащены въ уютный уголокъ между скалъ, опрокинуты вверхъ дномъ и старательно обложены со всѣхъ сторонъ камнями. Можетъ быть, онѣ лежать тамъ и понынѣ. Подъ нихъ спрятали нѣкоторыя лишнія вещи, и Нансенъ хотѣлъ оставить тамъ же одно изъ ружей, но всѣ нашли, что ружье слишкомъ хорошо, чтобы бросать его.

На кускѣ бумаги Нансенъ написалъ коротенькій отчетъ о всемъ томъ, что случилось съ нимъ по этотъ день, спряталъ бумагу въ жестянку отъ консервовъ и положилъ тутъ же.

Около 9 часовъ вечера сани были нагружены, и путешественники начали свой трудный путь, цѣлью котораго было селеніе *Кристіансгабъ* на западномъ берегу Гренландіи.

VI.

Въ началѣ дѣло шло медленно; хотя ледъ достигалъ самаго берега, но наклонъ его былъ довольно крутъ, такъ что приходилось впрягаться троимъ въ однѣ сани. На каждыхъ саняхъ лежалъ грузъ болѣе чѣмъ въ 6 пудовъ. Всю ночь шли такимъ образомъ. Погода стояла хорошая, съ небольшимъ морозомъ, и

идти на лыжахъ было легко, но трещины сильно затрудняли путь. На высотѣ 600 футовъ была поставлена палатка и сдѣланъ приваль. Съ истинно небеснымъ наслажденіемъ измученные люди выпили по полдюжинѣ чашекъ горячаго чая съ сгущеннымъ молокомъ и потомъ влѣзли въ свои спальные мѣшки.

На другой день погода заненастилась. Цѣлыхъ 3 дня и 3 ночи продолжался проливной дождь съ сильнымъ вѣтромъ, и нельзя было и думать о дальнѣйшемъ путешествіи. Въ теченіе всего этого времени Нансенъ съ товарищами почти не вылѣзали изъ мѣшковъ и большей частью спали. Количество пищи было доведено до минимума на томъ основаніи, что люди не работали; нѣкоторые находили такой постъ чрезмѣрнымъ и говорили, что ихъ желудки щемить отъ голода. Если они не спали, то пополняли дневникъ, рассказывали другъ другу разныя исторіи, перечитывали свою библіотеку, состоявшую изъ морского календаря, таблицъ съ логарифмами и нѣсколько другихъ столь же интересныхъ книгъ. Равна и Бальто читали по обыкновенію Новый завѣтъ. Но всего охотнѣе люди проводили время въ томъ, что разсматривали во всѣхъ подробностяхъ крышу палатки да прислушивались къ шуму дождя и вѣтра.

Только утромъ 20-го августа погода настолько улучшилась, что стало возможно продолжать путе-

шествіе. Поверхность льда была страшно изорвана и расколота трещинами, и идти по ней было невыносимо; вдобавокъ Солнце такъ ярко свѣтило на безоблачномъ небѣ и такъ сильно грѣло, что мучительная жажда томила людей. А пить было нечего. Единственное средство получать воду во время пути состояло въ томъ, что наполнялись снѣгомъ походныя фляжки и прятались за пазуху поближе къ тѣлу.

Наконецъ 21-го августа путешественники достигли такой точки льда, гдѣ подъемъ сталъ едва замѣтенъ и трещины исчезли; это было на высотѣ около 3.000 футовъ. Вдали виднѣлись послѣдніе уединенныя «нунатаки», торчащіе изъ льда.

Въ слѣдующіе дни путь все еще былъ труденъ, благодаря неровности льда. Плечо на которомъ была надѣта лямка отъ саней, болѣло, словно отъ обжога. Зато эти тягостныя ощущенія вознаграждались великолѣпіемъ ночей, озарявшихся то сѣвернымъ сіяніемъ, то тихимъ луннымъ свѣтомъ. Нансенъ говоритъ съ восторгомъ объ этихъ ночахъ; онъ думаетъ, что ни одинъ изъ участниковъ экспедиціи никогда не забудетъ ихъ.

Размышляя о томъ, какимъ бы образомъ уменьшить тяжесть саней, Нансенъ рѣшилъ пожертвовать тонкой клеенкой, предназначенной для закрыванія на ночь спальныхъ мѣшковъ. Теперь трудно уже было ожидать дождя, а снѣгъ всегда можно стрях-

нута, поэтому клеенковая крышка не составляла необходимости. Но бросить ее на дорогѣ безъ всякой пользы было жаль, поэтому рѣшили употребить ее какъ горючій матеріалъ. На первомъ же привалѣ къ пустой жестянкѣ придѣлано было что-то въ родѣ тагана, и въ этомъ импровизованномъ котлѣ стали варить пищу. Куски клеенки горѣли отлично и освѣщали красноватымъ блескомъ шестерыхъ людей, сидѣвшихъ кружкомъ въ палаткѣ и думавшихъ, что и для нихъ жизнь не чужда радостей. Но—увы!—всѣ земныя радости непродолжительны. Горѣвшая клеенка дымила такъ ужасно, что скоро палатка наполнилась густою копотью, сквозь которую едва можно было различить что-нибудь; большинство путешественниковъ поспѣшили убраться въ спальные мѣшки и закрыться съ головой въ ожиданіи ужина, и только двое остались у огня. Открывая то одинъ глазъ, то другой и по временамъ высовывая голову изъ палатки, чтобы вдохнуть свѣжаго воздуха, они терпѣливо поддерживали огонь. Палатка превратилась въ какой-то адъ къ тому времени, какъ снѣгъ растопился и вода закипѣла. Зато какъ вкусенъ былъ ужинъ, а послѣ него чай, приправленный лимонной кислотой, лимоннымъ масломъ и сахаромъ! Когда же на слѣдующее утро всѣ проснулись и взглянули другъ на друга при дневномъ свѣтѣ, то не могли удержаться отъ смѣха. Лица ихъ, и безъ

того не особенно чистыя, были покрыты сажей, бѣлокурые волосы стали черными, и только бѣлки глазъ да зубы остались бѣлыми и блестѣли на черныхъ лицахъ.

По этому поводу Нансенъ рассказываетъ, что съ того самаго дня, какъ они оставили *Язонъ*, вплоть до прибытія къ западному берегу они ни разу не умывались. И причины на то были уважительныя. Во-первыхъ, внутри Гренландіи въ это время года нѣтъ воды, и то небольшое ея количество, какое получалось на спиртовой лампѣ, составляло слишкомъ большую драгоцѣнность, чтобы тратить ее на умываніе. Во-вторыхъ, удовольствіе умываться на морозѣ весьма сомнительнаго свойства. И въ-третьихъ, умываться было даже вредно въ этой странѣ. Лучи Солнца, падавшіе сверху и отраженные отъ снѣга, дѣйствовали такъ сильно на кожу лица, что могли причинить раны, и слой грязи на лицѣ предохранялъ его отъ слишкомъ сильнаго дѣйствія свѣта и лучистой теплоты.

25-го августа ходьба была довольно затруднительна, благодаря глубокому снѣгу, при чемъ подъемъ все продолжался. Для поддержанія силъ давалось по плиткѣ мясного шоколада на человѣка черезъ каждыя $\frac{1}{4}$ мили. Въ полдень на бивуакѣ случилось маленькое происшествіе. Когда бобовый супъ уже начиналъ кипѣть на спиртовой лампѣ, Нансенъ нечаянно задѣлъ за

аппаратъ, онъ опрокинулся и драгоцѣнный супъ разлился по подстилкѣ палатки. Мгновенно всѣ вскочили на ноги, выкинули изъ палатки вещи и подняли подстилку за края, такъ что супъ весь собрался въ ея серединѣ, откуда его тотчасъ же перелили опять въ аппаратъ для дальнѣйшей варки. Ни одной капли не пропало! Въ такихъ случаяхъ непромокаемая подстилка палатки весьма полезна. Бальто говорилъ про этотъ супъ, что онъ не совсѣмъ чистъ, но это не мѣшало ему ѣсть его съ большимъ удовольствіемъ, какъ ѣли всѣ. А что супъ имѣлъ небольшой прибавокъ алкоголя, такъ это по мнѣнію лапландца, даже улучшало вкусъ его.

Во время обѣда поднялась метель. Приходилось идти противъ вѣтра, что при холодѣ въ 8° было не очень пріятно. Тѣмъ не менѣе люди шли впередъ, закрывшись, словно монахи, капюшонами своихъ клеенчатыхъ плащей, при чемъ снѣгъ дѣлалъ всевозможныя усилія проникнуть во всѣ скважины ихъ одежды. Только поздно вечеромъ поставили они палатку. Двѣ овсяныхъ лепешки, плитка мясного шоколада и снѣгъ съ примѣсью лимонной кислоты и сахара составили ихъ ужинъ, который они ѣли, лежа въ мѣшкахъ. Метель длилась всю ночь, и когда они проснулись 26-го августа, то увидѣли, что ихъ спальные мѣшки и все кругомъ было засыпано снѣгомъ, набившимся во всѣ отверстія палатки.

Весь день продолжалась метель, и идти противъ нея было ужасно трудно. Только поздно ночью сдѣланъ былъ привалъ на высотѣ 3.500 футовъ. На этотъ разъ палатку окопали снѣгомъ, чтобы защититься отъ вѣтра. Въ этомъ маленькомъ пространствѣ, куда все-таки проникала снѣжная пыль и носилась въ воздухѣ, при слабомъ свѣтѣ горѣвшаго спирта кучка людей умѣла сохранить бодрость и веселье; громкій смѣхъ раздавался безпрестанно, въ то время какъ кругомъ, въ безлюдной пустынѣ, бушевала метель.

27-го августа метель еще не утихла и вѣтеръ съ большой силой дулъ прямо навстрѣчу. При такихъ условіяхъ Нансену стало ясно, что достигнуть *Кристіансба* въ срединѣ сентября имъ не удастся, а между тѣмъ въ это именно время уходитъ послѣдній корабль въ Данію, такъ что экспедиціи придется перезимовать въ *Кристіансбагъ*, что, безъ сомнѣнія, для всѣхъ будетъ крайне тяжело. Нансену казалось, что тотъ корабль, который покидаетъ въ сентябрѣ *Кристіансбагъ*, долженъ нѣсколько позже посѣтить южнѣе лежація селенія. Поэтому онъ пришелъ къ мысли, что имъ слѣдуетъ идти не на *Кристіансбагъ*, какъ было предположено, а на *Готгагъ*, тѣмъ болѣе что приближалась полярная зима, а она должна быть сурова внутри Гренландіи. Путь на *Готгагъ* много короче, чѣмъ путь на *Кристіансбагъ*.

Долго, идя по снѣжной равнинѣ и волоча сани, думалъ объ этомъ Нансенъ и потомъ сообщилъ о своемъ намѣреніи товарищамъ. Всѣ согласились, что благоразуміе требуетъ держать курсъ на *Готгабъ*, и на этомъ порѣшили.

Но теперь возникалъ вопросъ, какимъ образомъ они, перешедши Гренландію, доберутся до человѣческихъ жилищъ? Великій ледъ спускается къ фіорду *Амераликъ*, имѣющему около 100 верстъ въ длину, а селеніе *Готгабъ* лежитъ возлѣ открытаго моря. Придется, думалъ Нансенъ, сдѣлать остовъ лодки изъ палокъ, лыжъ и саней и обшить этотъ остовъ непромокаемой парусиной изъ палатки. Когда онъ сообщилъ свой планъ Свердрупу, тотъ послѣ нѣкотораго размышленія согласился, что это сдѣлать возможно, и послѣ того они часто говорили между собою, какъ поступать, чтобы боть вышелъ лучше.

На слѣдующій день метель продолжалась. Во время пути Христіансенъ имѣлъ несчастіе слегка повредить колѣно, вслѣдствіе чего ему стало больно идти. Однако же усерднымъ массажемъ удалось вылѣчить его. Зрѣлище получалось довольно оригинальное, когда онъ при сильной метели и на морозѣ сидѣлъ съ обнаженной ногой, и Дитрихсонъ растиралъ ее. Въ этотъ же день у лапландцевъ заболѣли глаза. Замѣчательно, что изъ всѣхъ путеше-

ственниковъ только они испытали снѣжную слѣпоту. Растворъ кокаина, темныя очки и красная вуаль скоро помогли имъ. Остальные счастливо избѣжали этой болѣзни, которую многіе полярные путешественники считаютъ неизлѣчимой. Темныя очки и вуаль отлично помогли въ этомъ случаѣ, хотя дѣйствіе Солнца около полудня было чрезвычайно, такъ какъ воздухъ на высотѣ 7—8 тысячъ футовъ очень разрѣженъ и вдобавокъ огромная гладкая снѣжная равнина отражаетъ массу свѣта. Дѣйствіе Солнца чувствовалось также и на кожѣ лица. Всѣ загорѣли страшно, на носу и щекахъ кожа лупилась, а у нѣкоторыхъ щеки распухли и покрылись пузырями, какъ будто онѣ были отморожены. Послѣ этого всѣ стали старательно закрываться красною вуалью, которая значительно ослабляла дѣйствіе солнечныхъ лучей. Станный видъ представляли эти шелковыя вуали, развѣвавшіяся въ голубомъ воздухѣ. Онѣ невольно вызывали воспоминанія о родныхъ мѣстахъ, о праздничныхъ гуляньяхъ, о роскошныхъ экипажахъ, красивыхъ нарядныхъ дамахъ; и вмѣсто всего этого по снѣжной пустынѣ шли шесть мужчинъ самаго неизящнаго вида, которые сами везли свои экипажи, тоже далеко не элегантные, а изъ-подъ вуалей выглядывали грязныя, обвѣтрившіяся лица.

29-го августа метель утихла. Подъемъ снѣжной равнины прекратился, и стало замѣтно, что путеше-

ственники достигли наибольшей высоты на пути своемъ: 8 или 9 тысячъ фут. надъ уровнемъ моря. Но окрестный ландшафтъ нисколько не измѣнился. Все было ровно, плоско и бѣло, точно море, превращенное въ снѣгъ, и цѣлый день во всей природѣ видны были только три вещи: Солнце, снѣжная равнина и шестеро людей съ ихъ санями. Эти люди казались ничтожно-маленькой черной полосой, проведенной по однообразной, бесконечно-большой бѣлой плоскости, — помимо ихъ ничто, ни одна точка не нарушала ея однообразія. Нансенъ и Свердрупъ шли впереди, руководствуясь компасомъ, а въ нѣкоторомъ разстояніи шли остальные четверо, стараясь ни на минуту не потерять слѣда вожаковъ своихъ; такъ цѣлыхъ двѣ недѣли подъ рядъ. Однакожъ снѣжная плоскость Гренландіи не была совершенно гладка: она поднималась и опускалась подобно низкимъ слабымъ волнамъ, едва замѣтнымъ для глазъ.

По мѣрѣ того, какъ путешественники уходили все дальше въ средину Гренландіи, холодъ становился сильнѣе и сильнѣе. Но если погода была ясная, Солнце очень грѣло, такъ что къ полудню его теплота дѣлала снѣгъ мокрымъ и мягкимъ. Тогда идти на лыжахъ дѣлалось неудобно и приходилось снимать ихъ, при чемъ ноги, разумѣется, насквозь промокали. Какъ же только Солнце спускалось, начинался морозъ; вечеромъ, когда нужно было снять

сапоги, они оказывались смерзшимися вмѣстѣ съ обѣими парами чулокъ. Какъ примѣръ силы солнечнаго свѣта въ разрѣженной и чистой атмосферѣ Гренландіи можно привести то, что термометръ показывалъ 1 сентября на Солнцѣ $+29,5^{\circ}\text{C.}$, ночью же спустился до -16°C. Впослѣдствіи, въ ночь на 11 сентября, ртуть въ термометрѣ спустилась ночью гораздо ниже конца скалы, которая доходила до -37° . Вѣроятно, въ это время было болѣе 40° , и это въ палаткѣ, гдѣ спало шестеро человѣкъ и гдѣ варился ужинъ на спиртовой лампѣ. Нигдѣ на земномъ шарѣ не наблюдалась столь низкая температура въ срединѣ сентября; каковъ же долженъ быть морозъ въ Гренландіи зимой?

При такомъ холодѣ идти было тяжело. Часто борода смерзалась съ тѣмъ, что было надѣто на голову, въ одинъ кусокъ льда, и очень трудно было открыть ротъ, чтобы сказать слово. Но если при этомъ еще дулъ вѣтеръ, то положеніе становилось мучительнымъ. Такъ, 4 сентября послѣ яснаго сверкающаго утра поднялся вѣтеръ, при морозѣ въ -19°C. Нансенъ сперва почувствовалъ, что у него отмерзаетъ носъ; растирая его снѣгомъ, онъ помогъ горю, но черезъ нѣсколько времени особое ощущеніе на горлѣ заставило его обратить вниманіе на эту часть тѣла; оказалось, что наружные покровы гортани у него окоченѣли и стали нечувствительны. Усилен-

нымъ растираніемъ и прикладываніемъ шерстяныхъ рукавицъ удалось помочь и этому горю. Свердрупъ испытывалъ то же. Шедшихъ позади Нансенъ не видѣлъ, но думаетъ, что и имъ было не лучше. Тѣмъ пріятнѣе было съ наступленіемъ вечера пріютиться въ палаткѣ и утолить голодъ горячею пищею.

6 сентября послѣ полудня опять поднялась метель. Вѣтеръ дулъ съ востока, слѣдовательно онъ былъ попутный для экспедиціи, подталкивая людей и сани. Метель усилилась до того, что Нансенъ и Свердрупъ не видали своихъ товарищей, шедшихъ на разстояніи 20 шаговъ позади, вслѣдствіе чего они должны были часто останавливаться и ждать ихъ, чтобы не потерять другъ друга. Къ 8 часамъ вечера, когда была сдѣлана остановка, буря разыгралась уже такъ, что съ большимъ трудомъ поставили палатку.

Всю ночь бушевала буря, при чемъ вѣтеръ дулъ съ востока. На утро она немного стихла, и всѣ надѣялись, что можно будетъ идти дальше, а пока сварили чай и супъ, что для голодныхъ желудковъ было очень кстати. Послѣ завтрака собрались въ путь. Бальто былъ готовъ первымъ и вылѣзъ изъ палатки; сдѣлать это было не очень легко, такъ какъ за ночь передъ входомъ намело груды снѣга. Прошло нѣсколько минутъ, и лапландецъ вернулся, весь занесенный снѣгомъ, задыхаясь отъ силы вѣтра. Онъ могъ только произнести: «Сегодня нечего и думать идти».

Нансенъ просунулъ голову въ дверь палатки и убѣдился въ справедливости словъ лопаря. Необходимо было оставаться на мѣстѣ, но только слѣдовало внести въ палатку провизію, пока сани совсѣмъ не замело снѣгомъ, да укрѣпить прочнѣе самую палатку. Бальто и Христіансену поручено было исполнить это. Какъ только они вышли, порывъ вѣтра заставилъ ихъ присѣсть къ землѣ и двигаться на четверенькахъ, едва различая предметы въ вихрѣ крутившагося снѣга. Однакожъ, несмотря на всю ярость бури, порученіе было выполнено удачно. Палатку укрѣпили какъ можно прочнѣе и всѣ щели въ ней закрыли. Теперь въ ней стало довольно тепло, тѣмъ больше что снѣгъ понемногу похоронилъ ее совсѣмъ.

Послѣ полудня вѣтеръ внезапно стихъ, и мгновенно настала полная тишина въ воздухѣ. Это была зловѣщая тишина. Всѣ хорошо знали, что вслѣдъ за ней вѣтеръ поднимется съ прежнею силой, но съ противоположной стороны. Такъ бываетъ въ океанѣ во время урагана. Путешественники прислушивались съ напряженнымъ вниманіемъ, но все было тихо. Нѣкоторые думали уже, что буря миновала. Но вотъ долетѣлъ слабый порывъ вѣтра съ сѣверо-запада, потомъ другой, третій, все усиливаясь и усиливаясь, и наконецъ заревѣлъ настоящій ураганъ,—хуже всего, что было до сихъ поръ,—при чемъ вѣтеръ дулъ со

стороны двери. Бальто въ это время вышелъ было за снѣгомъ для воды и едва имѣлъ силы вернуться. Поспѣшно закрыли дверь чѣмъ могли, и теперь всѣ сидѣли какъ мыши въ мышеловкѣ, — снѣгъ завалилъ ихъ совсѣмъ, такъ что выйти было нельзя.

Насколько возможно, путешественники сдѣлали сноснымъ свое существованіе: сварили кофе и влѣзли въ свои мѣшки. Курильщики получили по случаю непогоды по трубкѣ табаку. Только Равна былъ печаленъ, несмотря на кофе. Когда же его старались утѣшить, онъ отвѣчалъ: «Я, старый лопарь, знаю хорошо, что сентябрьская метель затягивается надолго».

Когда на слѣдующее утро, 8-го сентября, люди проснулись, они увидѣли, что вѣтеръ утихъ и что можно продолжать путешествіе. Но выйти было трудно, — пришлось выкапываться изъ-подъ снѣга, такъ какъ палатку занесло доверху. Саней сперва совсѣмъ не могли найти, а когда, наконецъ, ихъ разыскали, то стоило большихъ трудовъ откопать изъ изъ-подъ снѣга.

Наконецъ, тронулись въ путь. Путешествіе потянулось весьма однообразно — одинъ день, какъ другой. Самое непріятное въ теченіе дня было вставать за часъ раньше другихъ, чтобы исполнить обязанности повара. Проснувшись, каждый замѣчалъ, что голова его въ спальномъ мѣшкѣ окружена инеемъ и

льдомъ:—это было слѣдствіемъ дыханія, такъ какъ паръ замерзалъ на волосахъ мѣшка. Вылѣзши изъ постели, человѣкъ попадалъ въ атмосферу, имѣвшую около—40°; приходилось наливать спиртъ и зажигать спиртовый аппаратъ, при чемъ одно прикосновеніе къ металлу уже было въ высшей степени непріятно. Когда поспѣвалъ чай или шоколадъ, нужно было будить всѣхъ и приглашать къ завтраку, который ѣли обыкновенно лежа въ мѣшкѣ. Потомъ всѣ вставали, укладывали и увязывали на сани багажъ и палатку и трогались въ путь.

При сильныхъ морозахъ нелегкая задача дѣлать астрономическія наблюденія. Трудно держать деликатные инструменты руками въ толстыхъ рукавицахъ; если же наблюденія должны отличаться особою точностью, приходится дѣйствовать голыми руками, и тогда, разумѣется, слѣдуетъ беречься трогать пальцами металлъ. Тѣмъ не менѣе всѣ наблюденія, произведенныя надъ секстантомъ и теодолитомъ, были такъ точны, какъ это возможно.

Когда наступало время вечерней остановки, то прежде всего устанавливали палатку. Послѣ этого Равна принимался за свою работу—единственную, которую онъ дѣлалъ помимо той, что везъ на себѣ сани: молча бралъ онъ спиртовый аппаратъ, вырывалъ яму въ снѣгу, чтобы добраться до нижняго, болѣе плотнаго снѣга, и наполнялъ имъ аппаратъ.

Внесши его въ палатку, онъ сѣлся, поджавъ ноги, и уже не вставалъ съ мѣста, пока не наступало время ужина.

Ужинъ въ палаткѣ, когда всѣ шестеро сѣлись на мѣшки съ платьемъ вокругъ спиртоваго аппарата, былъ самымъ счастливымъ временемъ въ жизни путешественниковъ. Какъ бы тяжело ни прошелъ день, какъ бы утомителенъ ни былъ дневной переходъ, все забывалось при слабомъ сіяніи полосокъ свѣта, пробивавшагося изъ скважинъ спиртоваго аппарата. Когда же супъ или какое-нибудь другое кушанье было готово и раздѣлено между всѣми, когда зажигался огарокъ стеариновой свѣчи, чтобы можно было ѣсть не впотѣмахъ, то счастье путешественниковъ достигало высшей степени.

Вообще можно сказать, что ѣда была для нихъ главнымъ предметомъ ихъ желаній. Если они о чемъ-нибудь больше всего мечтали, такъ это объ обильной пищѣ. Особенно же хотѣлось имъ чего-нибудь жирнаго. Какъ было упомянуто прежде, они взяли съ собою слишкомъ мало жира, и это довело ихъ до такого состоянія, что у нихъ сдѣлалось буквально что-то въ родѣ болѣзненной жажды къ жиру. Нансенъ отвѣшивалъ каждому $1\frac{1}{2}$ фунта масла на чело-вѣка въ недѣлю, и пока оно еще не вышло, всѣмъ доставляло истинное наслажденіе глотать его большими кусками одно, безъ всего. Для нѣкоторыхъ

это удовольствіе продолжалось недолго. Такъ, Христіансенъ съѣдалъ всю порцію въ первый же день. Потребность въ жирѣ доходила до того, что Свердрупъ однажды серьезно спросилъ у Нансена: «Какъ ты думаешь, Нансенъ, будетъ ли вредно, если я съѣмъ мазь, предназначенную для смазки сапогъ?»

Обыкновенно порціи пищи тщательно развѣшивались, такъ что каждый получалъ 1 килограммъ (2,4 фунта) пищи въ сутки. Когда же они стали приближаться къ западному берегу, Нансенъ позволилъ брать сушеннаго мяса столько, сколько каждый захочетъ, такъ какъ оно было въ избыткѣ. Но замѣчательно, что при этомъ никто не былъ сытъ. Впослѣдствіи, уже въ Норвегіи, кто-то спросилъ Бальто, былъ ли онъ сытъ хоть одинъ разъ во время путешествія. «Нѣтъ, не былъ ни разу», отвѣчалъ онъ и потомъ, обратясь къ стоявшему возлѣ Свердрупу, сказалъ ему: «Помнишь ли, Свердрупъ, какъ мы во время торжественнаго пира на гренландскомъ льду получили по двойной порціи кушанья и я тебя спросилъ послѣ ѣды: сытъ ли ты, Свердрупъ?—Ты мнѣ отвѣчалъ тогда: я голоденъ, какъ волкъ!»

Способъ приготовленія пищи не отличался опрятностью. Такъ какъ воду доставать было трудно, то нечѣмъ было мыть посуду, да на морозѣ и непріятно заниматься этимъ. Поэтому, когда съѣдался горохо-

вый супъ, то котелокъ отдавался кому-либо для чистки. Обыкновенно этимъ счастливецъ былъ Бальто, и онъ быстро принимался за дѣло при помощи языка и пальцевъ. На слѣдующее утро въ этомъ же котелкѣ варился шоколадъ или чай; когда онъ пустѣлъ, то на днѣ его находили удивительный осадокъ, состоявшій изъ частицъ всего, что употреблялось въ пищу; въ немъ остатки гороховога супа и каши мирно покоились рядомъ съ кусочками шоколада и чайными листьями. По этому поводу Нансенъ замѣчаетъ слѣдующее: «Прочитавъ про нашу стряпню, многія хозяйки сдѣлають, вѣроятно, презрительную гримасу, но я могу увѣрить этихъ многоуважаемыхъ дамъ, что онѣ никогда въ своей жизни при всей ихъ чистоплотности и аккуратности не готовили такой вкусной пищи, какою была для насъ наша собственно-ручная стряпня».

Подобно маслу, столь же высоко цѣнился внутри Гренландіи и табакъ. Нансенъ вспоминаетъ, что нѣкоторые изъ его спутниковъ предлагали крону за маленькую трубочку. Нансенъ взялъ съ собой очень мало табаку, такъ какъ онъ врагъ всякихъ возбуждающихъ средствъ и считаетъ ихъ вредными при усиленной работѣ. Поэтому трубка давалась только по воскресеньямъ, и ею старались воспользоваться какъ можно больше. Сперва курили въ ней табакъ, потомъ сосали какъ можно дольше золу и дерево

трубки; наконецъ, набивали трубку кусочками смоляного каната и курили это. Труднѣе всѣхъ приходилось Больто; обѣщая ему трубку, можно было заставить его сдѣлать что угодно.

Проходили дни, и путешественники миновали середину Гренландіи. Начался явственный наклонъ къ западу, но земли впереди все еще не было видно. Лица лапландцевъ дѣлались все печальнѣе. Наконецъ, Равна не вытерпѣлъ и сказалъ: «Я, старый лопарь, глупая голова, думаю, что мы никогда не дойдемъ до западнаго берега». На это Нансенъ отвѣтилъ ему коротко: «Ты правъ, Равна: у тебя дѣйствительно глупая голова!» И старикъ, повидимому, былъ очень утѣшенъ столь сомнительнымъ комплиментомъ.

16-го сентября покатость снѣжной равнины стала еще замѣтнѣе, и внезапно сдѣлалось гораздо теплѣе, словно лѣто опять наступило. 17-го сентября утромъ, когда всѣ сидѣли въ палаткѣ за завтракомъ, имъ показалось, какъ будто вблизи раздалось чириканье птички. Однакожь скоро все замолкло, и осталось предположить, что чириканье только почудилось. Около полудня, уже во время пути, люди опять услышали щебетанье въ воздухѣ. Всѣ невольно остановились и замѣтили снѣжнаго подорожника, который пролетѣлъ надъ ними. Нѣсколько разъ онъ кружился возлѣ, какъ бы желая сѣсть на сани, потомъ спу-

стился на снѣгъ, но скоро вспорхнулъ опять и весело чирикавая, улетѣлъ.

Съ какимъ радостнымъ чувствомъ привѣтствовали люди эту маленькую птичку! Всѣ видѣли въ ней вѣстника земли, близость которой они уже чувствовали.

Теперь, когда наклонъ равнины сталъ такъ замѣтенъ, слѣдовало только дождаться попутнаго вѣтра, чтобы воспользоваться парусомъ. Попутный вѣтеръ подулъ 19-го сентября. Тогда четверо саней были связаны попарно и на каждую пару поставили парусъ. Впереди саней была укрѣплена палка, и кто-либо изъ путешественниковъ управлялъ помощью этой палки санями, быстро скользя на лыжахъ. Иногда сани мчались съ неимоверной быстротой, такъ что едва можно было поспѣвать на лыжахъ. Вначалѣ передними санями правилъ Свердрупъ, потомъ его замѣнилъ Нансенъ. Такое управленіе требовало большой ловкости и силы. Особенно опасно было упасть: тогда пара тяжелыхъ саней неминуемо наскочила бы на человѣка и могла бы искалѣчить его.

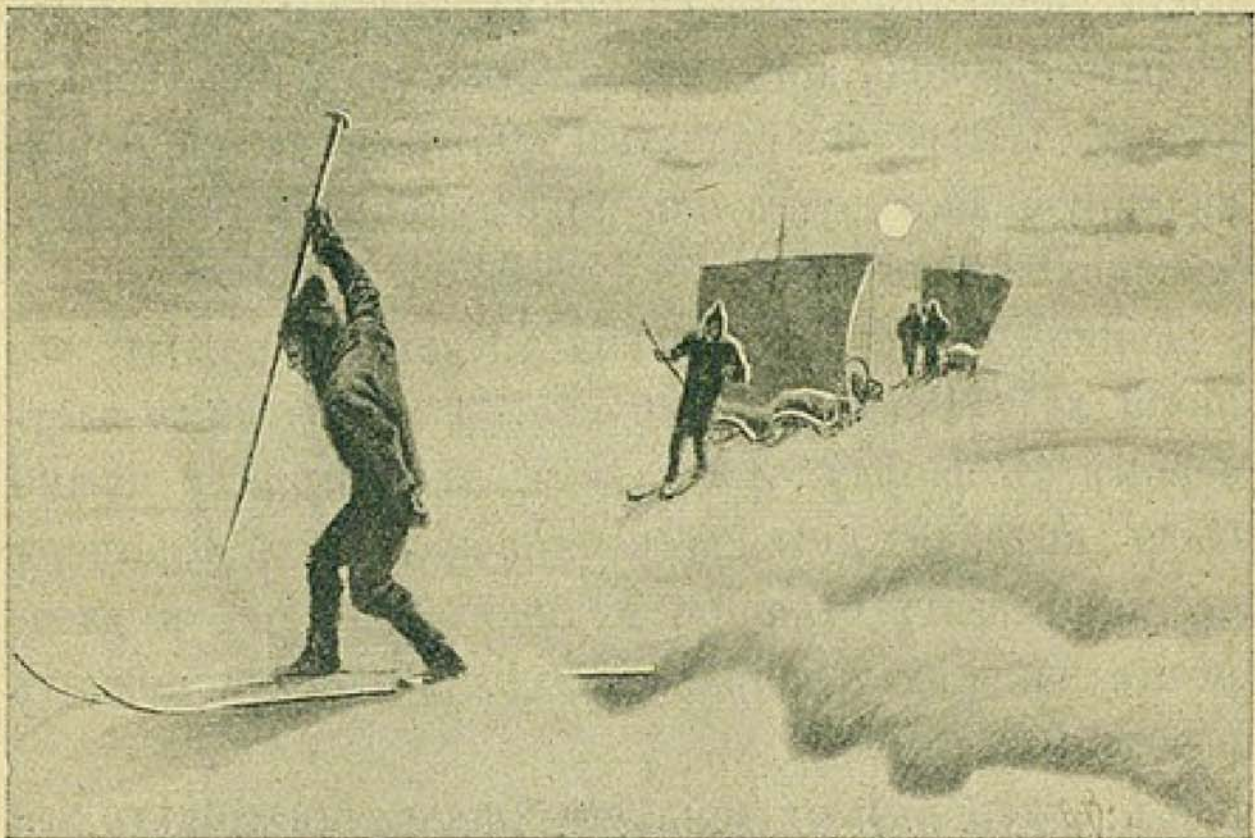
Послѣ полудня во время этого быстрого бѣга Нансенъ услышалъ внезапно радостные крики, раздавшіеся сзади. То былъ голосъ Бальто, который кричалъ: «Земля, земля видна!» Всмотрѣвшись внимательно вдаль, Нансенъ различилъ сквозь метель двѣ темныя горныя вершины, поднимавшіяся вне-

реди надъ снѣжной равниной. Громкимъ «ура» привѣтствовали люди давно желанную землю. Однакожъ въ скоромъ времени метель скрыла ее изъ вида, и при сильномъ попутномъ вѣтрѣ путешественники мчались на своихъ парусахъ все дальше и дальше до вечера, не видя земли. Начинало темнѣть, когда Нансенъ сквозь метель и сгущавшіяся сумерки, замѣтилъ что-то темное на снѣгу передъ собою. Онъ принялъ это за обычную неровность снѣга и, не заботясь о ней, спокойно продолжалъ путь. Но спустя минуту онъ замѣтилъ, что ошибся; съ быстротой молніи повернулъ онъ свой руль, такъ что сани остановились. Еще немного, и было бы поздно: Нансенъ стоялъ на самомъ краю широкой трещины льда, которая поглотила бы его безслѣдно и навѣки. Изъ всѣхъ силъ сталъ онъ кричать остальнымъ, бывшимъ сзади, чтобы они сдержали бѣгъ своихъ саней. Трещина имѣла нѣсколько сотъ саженой въ глубину. Это была первая трещина, обозначавшая приближеніе къ берегу; но такъ какъ она не была, конечно, послѣднею, то слѣдовало принять мѣры предосторожности. Свердрупъ сталъ править санями, а Нансенъ пошелъ впереди, ощупывая палкой снѣгъ въ подозрительныхъ мѣстахъ. Вѣтеръ дулъ такъ сильно, что Нансенъ могъ иногда не двигать вовсе ногами, а просто стоялъ на лыжахъ, и вѣтромъ его несло быстро впередъ. Несмотря на всю осторожность,

Свердрупъ и Христіансенъ едва не провалились вмѣстѣ съ санями. Только что они проскользнули въ одномъ подозрительномъ мѣстѣ, какъ снѣгъ обрушился позади нихъ и открылась темная трещина.

Наступила ночь, но полный мѣсяцъ озарялъ пустыню. Странное зрѣлище представляли два четырехугольные темные паруса, несшіеся по однообразной плоскости, озаренной большимъ круглымъ мѣсяцемъ. Но трещины стали такъ многочисленны и опасны, что пришлось остановиться.

VII.

На слѣдующее утро, выглянувъ изъ палатки, Нансенъ увидѣлъ передъ собою красивую горную мѣстность, страшно дикую, но величественную, похожую на берегъ Норвегіи. Между горами виднѣлись глубокія ущелья, на днѣ которыхъ должны были быть фіорды; не видя ихъ, путешественники чувствовали ихъ и съ дѣтскою радостью смотрѣли на давно невиданную картину, столь похожую на родные норвежскіе ландшафты.

Теперь предстоялъ весьма трудный переходъ: великій ледъ Гренландіи спускался гигантскимъ глетчеромъ къ фіорду *Амераликъ*, къ которому нужно было подойти путешественникамъ. Ледъ глетчера всегда бываетъ страшно и дико расколотъ и разорванъ во всѣхъ направленіяхъ, а мѣстами поднятъ огромными глыбами.

Съ невѣроятными усиліями удалось преодолѣть эти трудности. При этомъ Нансенъ разъ упалъ въ трещину льда и повисъ въ ней на рукахъ. Товарищи его были далеко, и онъ долго продержался въ этомъ положеніи между жизнью и смертью, пока наконецъ не выкарабкался на ледъ. Только 24-го сентября путешественники подошли къ концу глетчера и очутились на землѣ, устѣянной гигантскими камнями. «Великій ледъ» остался теперь позади нихъ наве-

гда. Разстояніе отъ восточнаго берега до западнаго, въ 450 верстъ длиною, было пройдено почти въ 40 дней. Никакими словами нельзя передать, что почувствовали всѣ, когда ноги ихъ ступили на землю

и камни послѣ столь долгаго путешествія по снѣгу и льду. Съ наслажденіемъ вдыхали они запахъ мха и травы и разсматривали низкій кустарникъ, росшій между камнями. Вдобавокъ тутъ же было чистое холодное озеро, уже начавшее замерзать. Съ жад-

ностью припали устами къ водѣ путешественники и стали пить безъ конца, большими глотками. Они такъ давно не могли вполнѣ утолить свою жажду, для нихъ такъ долго вода составляла большую драгоценность! Сколько стакановъ воды выпили они въ этотъ разъ, неизвѣстно, но они чувствовали, что желудки ихъ совершенно наполнились водою.

Теперь предстоялъ путь по камнямъ, завалившимъ собою узкую долину между горами; только спускаясь по этой долинѣ, можно было достигнуть фіорда. Сани были оставлены возлѣ конца глетчера, на нихъ уложили багажъ и покрыли парусиной. Съ собою взяли только самое необходимое и, кромѣ того, нѣсколько бамбуковыхъ палокъ, для того чтобы, достигнувъ моря, можно было сдѣлать тамъ родъ бота. Распредѣливъ этотъ багажъ между всѣми, пошли внизъ по долинѣ, вдоль ручья, начинавшагося изъ глетчера. По дорогѣ видѣли много слѣдовъ сѣверныхъ оленей, а разъ удалось даже застрѣлить бѣлаго полярнаго зайца. Въ долинѣ росло много ивъ и ольхъ; листья ольхъ были еще зеленые, между тѣмъ какъ у ивъ они уже пожелтѣли и поблекли. Днемъ температура поднималась до 12° С. въ тѣни.

26-го сентября путешественники увидали синюю поверхность *Амераликъ-фіорда*, обставленнаго крутыми скалами. На низкомъ берегу его, между кустиками ивы, поставили палатку и здѣсь рѣшили раз-

дѣлиться на двѣ группы. Нансенъ и Свердрупъ должны были плыть по фіорду въ *Готгабъ*, а остальные — вернуться къ покинутымъ вещамъ, принести ихъ сюда, къ морскому берегу, и ждать, когда за ними пришлютъ боть изъ *Готгаба*.

Но, чтобы проплыть 100 верстъ до *Готгаба*, нужно было имѣть хоть какое-нибудь подобіе лодки. При помощи бамбуковыхъ палокъ и сучьевъ ивы былъ сдѣланъ грубый остовъ лодки; его обшили непромокаемой парусиной, составлявшей полъ въ палаткѣ. Двѣ пары веселъ были сдѣланы тоже изъ бамбуковыхъ палокъ, на концахъ которыхъ

привязали по вилкѣ изъ ивы, обтянувъ эти вилки парусиной. 28-го сентября путешественники разстались.

VIII.

Четыре дня плыли Нансенъ и Свердрупъ въ своемъ полуботѣ, полукорытѣ, безпрестанно вычерпывая кружкой проникавшую въ него воду, такъ какъ плотность не составляла одного изъ его достоинствъ.

Берега фіорда были то круты, скалисты и мрачны, то понижались, принимали видъ холмовъ, покрытыхъ лишайниками и кустами; такія мѣста любятъ сѣверные олени. Иногда удавалось застрѣлить нѣсколькихъ чаекъ, и изъ нихъ на привалахъ варился супъ. Ночуя на одномъ изъ приваловъ, путешественники видѣли сѣверное сіяніе, какого никогда ни прежде, ни послѣ не видали. Все небо горѣло огнемъ, который вспыхивалъ и на югѣ, и на сѣверѣ; внезапно словно гигантскій огненный вихрь пробѣгалъ по небу и заканчивался на самомъ верху вращающейся огненной короной. Глаза слѣпились этотъ яркій свѣтъ. По временамъ огненная буря какъ бы стихала, свѣтъ ослабѣвалъ и пролетали лишь отдѣльные матовыя полосы сіянія, но черезъ минуту опять загоралось все небо.

Наконецъ, 3-го октября путешественники увидали селеніе *Готлабъ*, состоявшее изъ пяти европейскихъ

домовъ, церкви и кучки эскимосскихъ хижинъ. Датскій флагъ развѣвался высоко на шестѣ.

Все населеніе *Готтаба* встрѣтило новоприбывшихъ съ необыкновеннымъ радушіемъ. Нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ раздалось въ ихъ честь, и тотчасъ же имъ отвели удобную комнату, гдѣ они могли привести въ порядокъ свой туалетъ, прежде чѣмъ явиться къ обѣду, на который ихъ пригласилъ одинъ изъ мѣстныхъ жителей. Нансенъ рассказываетъ о томъ удовольствіи, какое онъ испыталъ, смывая мыломъ грязь, накопившуюся на немъ во время долгаго пути, объ удовольствіи надѣтъ на себя чистое бѣлье и платье, объ удовольствіи сидѣть на стулѣ, обѣдать за столомъ, покрытымъ скатертью, спать на мягкой постели. Впрочемъ, онъ долго не могъ заснуть. Привыкнувъ къ своему мѣшку, посланному на голѣмъ льду или камнѣ, онъ долго ворочался въ мягкой постели, и ему мерещились сцены изъ его путешествія.

За четыремя оставленными на берегу спутниками Нансена былъ посланъ боть, который скоро доставилъ ихъ здоровыми и невредимыми, такъ что въ *Готтабѣ* собралась теперь вся экспедиція. Восторгу европейцевъ и эскимосовъ, жившихъ въ селеніи не было конца. Всѣ наперерывъ старались сдѣлать что-нибудь пріятное для путешественниковъ, всѣмъ хотѣлось узнать подробности столь труднаго и необык-

новеннаго пути; эскимосовъ же особенно занимали никогда невиданные ими лопари.

Оказалось, что послѣдній пароходъ изъ Европы покинулъ *Готлабъ* уже два мѣсяца назадъ, что небольшой корабль *Fox* находился въ то время за 70 миль къ югу, но и онъ собирался уходить, если уже не ушелъ. Поэтому Нансенъ поспѣшно написалъ капитану этого корабля просьбу придти, если можно, въ *Готлабъ*, а также на всякій случай другое письмо къ Гамелю, въ которомъ онъ сообщалъ о своемъ счастливомъ прибытіи къ западному берегу Гренландіи. Къ этимъ двумъ письмамъ Свердрупъ прибавилъ еще письмо къ своему отцу. Двое эскимосовъ были посланы въ каякахъ съ этими письмами. Черезъ нѣсколько дней получился отвѣтъ; оказалось, что эскимосы застали корабль совсѣмъ готовымъ къ отплытію въ Европу; уже отданъ былъ приказъ поднимать якорь, какъ замѣтили вдали двухъ человѣкъ, спѣшившихъ къ кораблю и махавшихъ что было силы. Только благодаря этому капитанъ получилъ письма. Поговоривъ съ директоромъ колоніи, капитанъ рѣшилъ, что онъ не можетъ плыть въ *Готлабъ*, такъ какъ на кораблѣ имѣется 40 пассажировъ, которые спѣшили въ Европу; если, благодаря промедленію, льды остановятъ корабль, всѣ эти 40 человѣкъ вынуждены будутъ зимовать въ *Готлабъ*, гдѣ не хватило бы провизіи для столькихъ

людей. Капитанъ общалъ только одно — доставить письма по назначенію.

Такимъ образомъ Нансену и его товарищамъ приходилось поневолѣ провести всю зиму здѣсь, въ Гренландіи, до апрѣля мѣсяца, что, конечно, было очень непріятно. Но они не унывали и зажили недурно; присматривались къ быту эскимосовъ, снимали фотографіи, веселились по воскресеньямъ на вечеринкахъ, охотились въ окрестностяхъ, сдѣлали даже экскурсію на столь памятный имъ «великій ледъ» Гренландіи. Они размѣстились слѣдующимъ образомъ: Нансенъ, Свердрупъ и Дитрихсонъ устроились въ домъ директора колоніи, а остальнымъ дали комнату въ домъ доктора. По этому поводу Бальто рассказывалъ: «Въ первый вечеръ, какъ только мы зажгли свѣчу въ нашей комнатѣ, — а надо замѣтить, что занавѣсей у насъ не было, — передъ окномъ собралась большая толпа эскимосскихъ дѣвицъ и смотрѣла на насъ; и это происходило каждый вечеръ, пока мы не сдѣлали занавѣсей».

Спустя немного, комната въ докторскомъ домѣ сдѣлалась постояннымъ пристанищемъ гостей. Тамъ играли въ карты, оттуда неслись звуки скрипки, тамъ шли оживленные разговоры съ утра до вечера. Бальто игралъ видную роль. Передъ внимательно слушавшими его эскимосами, онъ рассказывалъ на какомъ-то новержско-гренландскомъ нарѣчій, а больше же-

стами и знаками, о путешествіи черезъ «сермерсу-акъ», т.-е. «великій ледъ», о томъ, какъ норвежцы съ чертовскимъ искусствомъ находили дорогу въ огромной снѣжной пустынѣ, какихъ опасностей они всѣ избѣжали, какъ плыли въ двухъ ботахъ по океану, и пр. Но больше всего интересовали эскимосовъ рассказы лопаря о жизни на его родинѣ, о томъ, какъ тамъ ѣздятъ на оленяхъ, какая у нихъ страна, какія жилища, какіе обычаи. Христіансенъ при этомъ больше молчалъ и игралъ въ карты, а старый Равна видимо тяготился многолюдствомъ. Нѣсколько разъ онъ говорилъ Нансену: «Я, старый лопарь, не люблю, когда много людей». Какъ только комната наполнялась всѣмъ этимъ курящимъ, играющимъ и болтающимъ народомъ, онъ садился тихонько въ свой уголокъ, на постель, съ самымъ несчастнымъ видомъ или уходилъ въ какую-нибудь эскимосскую хижину, гдѣ его всегда принимали ласково, садился тамъ на скамью и сидѣлъ молча цѣлые часы подъ рядъ.

Всякое воскресенье въ *Готтабъ* задавались веселые балы. Залой служилъ обширный сарай, гдѣ лѣтомъ дѣлаются бочки. Нечего и говорить, что всѣ наши путешественники, за исключеніемъ Равны, были тамъ почетными гостями и что маленькія бойкія эскимоски наперерывъ старались танцовать съ ними. Незнаніе мѣстныхъ танцевъ не могло служить для нихъ отговоркой—ихъ просто хватали за руки

и заставляли танцовать. Если они дѣлали неловкія движенія, — всѣ чистосердечно и громко хохотали, и потомъ, расходясь домой, на улицѣ еще долго эскимоски представляли съ большимъ юморомъ неумѣлыхъ танцоровъ. Впрочемъ, европейцы очень скоро выучились отплясывать не хуже гренландцевъ. Всѣ танцы здѣсь не національные; они заимствованы у прѣзжающихъ сюда англійскихъ и американскихъ китолововъ и только слегка измѣнены сообразно мѣстнымъ вкусамъ.

Большое удовольствіе доставляло Нансену и другимъ норвежцамъ плаваніе въ каякахъ. Послѣ нѣсколькихъ попытокъ и упражненій они выучились настолько хорошо плавать въ этихъ легкихъ лодочкахъ, что могли предпринимать большія путешествія въ компаніи эскимосовъ, отправлявшихся на тюленью охоту. Лопарь Бальто тоже выучился плавать въ каякѣ, но первый опытъ его на этомъ поприщѣ былъ очень неудаченъ. Увидя, что и Нансенъ, и Свердрупъ, и Дитрихсонъ съ каждымъ днемъ все смѣлѣе плаваютъ въ каякахъ, онъ возымѣлъ желаніе сдѣлать то же. Хотя его предупреждали, что это совсѣмъ не легко, Бальто увѣрялъ, что лапландецъ на все способенъ, и однажды, при большомъ собраніи европейцевъ и эскимосовъ онъ сѣлъ въ каякъ Свердрупа, лежавшій на берегу, обвязалъ себя кожей вокругъ пояса, взялъ весло и приготовился съ

важнымъ видомъ показать, на что способенъ настоящій лапландецъ.

Каякъ спихнули съ берега въ море и онъ безпомощно закачался въ водѣ. Въ эту минуту лицо лопаря нѣсколько омрачилось; онъ замахалъ весломъ по воздуху и для храбрости затанулъ было свою пѣсню; но не успѣлъ онъ начать ее, какъ сейчасъ же и кончилъ: его ротъ, голова и весь онъ исчезли подъ водою, и на поверхности остались только дно каяка да лопарская четырехугольная шапка. Къ счастью было близко отъ берега, такъ что лопаря сейчасъ же вытащили. Громкій неудержимый смѣхъ всѣхъ присутствующихъ, особенно эскимосскихъ дѣвицъ, привѣтствовалъ его. Стоя на берегу, при чемъ вода текла ручьями съ платья, облѣпившаго его тѣло, онъ былъ очень похожъ на пугало, которое ставятъ на огородахъ. Въ смущеніи онъ могъ выговорить только одно: «Ну, я совсѣмъ промокъ». Потомъ, придя немного въ себя, онъ прибавилъ: «Да, могу сказать, каякъ—чертова лодка!»

Наконецъ наступила весна. 15-го апрѣля 1889 г. во время сильной мятели, когда Нансенъ сидѣлъ въ домѣ директора колоніи за чашкой кофе и разговаривалъ съ докторомъ, вдругъ все селеніе огласилось громкимъ крикомъ: «*Umarsuit! Umarsuit!* Корабль! корабль!» Всѣ выскочили на улицу и побѣжали къ берегу, но ничего не могли различить по причинѣ

метели. Внезапно мелькнулъ темный силуэтъ высоко въ воздухѣ. Это были мачты и снасти *Hoidbjörnen*'а, норвежскаго парохода, который былъ уже въ бухтѣ. Поспѣшно сѣли въ лодки и каяки и поплыли къ нему. Всѣ участники экспедиціи были радушно встрѣчены капитаномъ и другими норвежцами. Разговорами, разспросами не было конца. Черезъ два дня Нансенъ и его товарищи уже прощались съ населеніемъ *Готтаба*, успѣвшимъ полюбить ихъ. 21-го мая пароходъ былъ въ Копенгагенѣ, а 30-го мая онъ входилъ при превосходной тихой погодѣ въ фіордъ Кристианіи. Тысячи различныхъ судовъ, убранныхъ флагами, встрѣтили пушечными выстрѣлами и радостными криками нашихъ путешественниковъ, молва о прибытіи которыхъ уже раньше достигла ихъ родины. Даже на стараго лопаря Равну эта встрѣча произвела впечатлѣніе. Когда они приближались къ гавани Кристианіи и увидѣли, что вся пристань и всѣ мосты сдѣлались черными отъ тысячъ народа, Дитрихсонъ сказалъ Равнѣ: «Не правда ли, какъ весело видѣть такую толпу людей, Равна?» — «Да, очень весело, — отвѣчалъ тотъ, — если бы все это были сѣверные олени!»

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

Географія, какъ наука и какъ учебный предметъ —	р. 20 к.
Первые уроки географіи (со многими рис.). . .	— » 40 »
Россія, учебникъ отечественной географіи (со мног. рис.)	— » 60 »
Россія, географическій сборникъ	1 » — »
Маленькая географія Россіи (со мног. рис.) —	» 30 »
Финляндія	— » 50 »
Кавказъ	— » 50 »
Уроки географіи Европы (со мног. рис.) . .	1 » — »
Альпы	— » 30 »
Франція	— » 40 »
Бельгія и Голландія	— » 30 »
Балканскій полуостровъ	— » 50 »
Италія	— » 50 »
Испанія и Португалія	— » 40 »
Швейцарія	— » 30 »
Германія	— » 40 »
Австро-Венгрія	— » 40 »
Скандинавія и Дачія	— » 40 »
Англія	— » 50 »
Центральная Азія	— » 30 »
Палестина и Аравія	— » 30 »
Сахара и Нилъ	— » 30 »
Австралія и Тасманія	— » 50 »
Географическіе этюды, семь публичныхъ лекцій по всеобщей географіи (со мног. рис.) . .	— » 70 »
Солнце, его строеніе и силы, изъ него исходящія (съ рис.)	— » 50 »

Цѣна 50 коп.

Складъ изданій при типографіи Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К^о,
въ Москвѣ, Петербургѣ и Кіевѣ.